

ГРИД

чужие

Александр Тайгар

ГРИД. Чужие

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Тайгар А.

ГРИД. Чужие / А. Тайгар — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Всякому из нас, наверное, хоть раз в жизни – мир казался чужд. Многие хотели его изменить, кто-то пытался уйти, отгородиться ото всех. Многие задумывались над тем, что мир не совсем такой, каким кажется. Кто-то – даже излишне часто... Эта история – не более чем фантазия. Но ведь и фантазия – это чья-то реальность. Или... Впрочем, каждый решает сам.

Содержание

Фаза 1, пробой	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Фаза 1, пробой

...Грустно живём... Последняя мысль. Я закрыл глаза и провалился в забытье.

Утро началось как обычно. Проснулся за полчаса до того, как забубнил сотовый, и просто лежал. Когда зазвонил будильник – «на автомате» отключил сигнал и провалялся ещё минут десять. Наконец встал, донёс тело до ванной, умылся, пошёл на кухню, сделал бутерброд; вернулся в комнату, включил компьютер, вышел в Сеть. Такое вот, стандартное начало дня...

Писем нет, ни одного заказа. Жаль... Рука потянулась к телефону. Едва я нащупал трубку – пришла «СМСка», писал Валера. Интересно, ему я и хотел звонить. Что ж, забегу к нему сегодня – посмотрим, что за дело он выдумал.

—

Н-да, Валерка – как всегда, в своём репертуаре: «запредельные», как он сам выражался, идеи – и ни малейшего понятия, как их воплотить. Мрачно на улице... Как ни странно, настроение улучшилось. Всё-таки, нужны миру такие люди – как Валерка. Благодаря им – мы не живём, до сих пор, в пещерах. Хотя, из-за некоторых, «таких же» – можем вновь в них вернуться. «Всё, что ни создавал человек, он пытался использовать как оружие». Интересно, кто это сказал? Похоже на правду...

Я пошёл на пустырь. Когда-то здесь шумел лес, но теперь его нет. Лишь местами деревья стоят. Небольшие, случайно выросшие, и высоченные – остатки былого. Странно, что их не вырубали. Что здесь собирались делать, я не знаю – только лес уничтожили, а дальше дело не пошло, так всё и бросили. Я люблю здесь бывать. Уходить от суеты... От себя. Здесь лучше думается, мысли кажутся яснее... Самообман, но что с того? Как угодно называй: трусость, нежелание жить в реальном мире... Тот, кто так говорит – сам не очень-то этот мир знает. А тот, кто начал что-то понимать – молчит. Он не будет тебя учить, потому что знает: мир – у каждого свой. Неважно, что мирок этот – всего лишь скорлупа, радужный мыльный пузырь. Все живут иллюзией, только называют её мировоззрением – и никто не возражает. Всего лишь слово, но стоит его заменить – как мозг бунтует, отказывается воспринимать, показывая свою несостоятельность, привычку к штампам и жизни по шаблону. А кто-то до потери пульса будет спорить, что это не так. Иллюзия... Я вспомнил Славку. Он был геймером. Однажды я привел его сюда, а он сразу вообразил себе это место аренной какой-то игры. Не знаю, какой – никогда этим не увлекался. Он с головой ушёл в виртуальный мир – фактически, тогда его и не стало. В «реальности» – его сбила машина. На моих глазах – как раз, когда мы возвращались с пустыря. Я помню дикие глаза того, кто его сбил – это был пацан, лет пятнадцати. Я помню, как остекленел его взгляд, через минуту – его никогда не забыть... Тогда я почему-то подумал, что это был ещё один геймер, «переигравший в машинки». Он был похож на Славку. Этот взгляд... Все живут иллюзией, но некоторым этого мало и они создают ещё.

Стало прохладно, подул ветер – пора домой. Краем глаза я заметил, что возле одного дерева, которое росло перед самым началом склона, что-то не так. Будто земля провалилась. И пошёл, нет, даже побежал туда.

И что я, дурак, там увидел? – подумал я, поднимаясь с земли и отряхиваясь, осматривая себя. Дерево как дерево... И земля тут обыкновенная. Огляделся вокруг – всё в порядке. Посмотрел на часы, – «ого!» – Уже четыре вечера. Как же быстро прошло время! Я думал, ещё только полтретьего.

Придя домой – сразу проверил почту. Пусто... Плохо, нужно придумывать что-то новое. Пискнула программа – загрузка завершена. Посмотрим, как там книгу исковеркали... Быстро, рывками просмотрел весь фильм и закрыл плеер. Потом, может быть, пересмотрю. Покопав-

шись в файловых дебрях, запустил «читалку», в который раз начав перечитывать любимый сборник рассказов. Оторвавшись от монитора через пару часов, я отправился спать. Только сон всё не шёл – в голове вертелась одна мысль: «что-то я забыл...».

—///—

Фонарь слабо освещал улицу, я шёл домой. Дойдя до круглосуточной аптеки – постучал в окошко ночной торговли. Открыла сонная девчонка, внешностью еле тянувшая на восемнадцать.

– Привет, красавица. Дай аспирин.

– Аспирина нет – ответила та и захлопнула окно.

То есть, как? Нет? Аспирина?! Что ж за день-то сегодня? Всё к одному. Я сел на паркет, глубоко вдохнув влажный, холодный ночной воздух. Иногда казалось, что в нем есть что-то... Живое. Я посмотрел на небо – звёзд не было видно; осмотрелся вокруг и полез в карман, за сигаретами. Табак из пустой пачки высыпался на ладонь – я сжал кулак и бросил смятую пачку в ближайшую урну. Ночь, улица, фонарь, аптека... А вокруг тишина, а вокруг – ни души... «Только мерно гудит блок системный» – как любит договаривать один мой знакомый. Мысли роились в голове, я бессмысленно глядел по сторонам. А душа то, кажется, есть. И это... Неужели?

– Эй, друг! – окликнул я. – Дружище! Угости сигаретой! – сказал я, подойдя ближе.

– Не курю – ответил тот, оборачиваясь.

Точно, он.

– Молодца! Я ведь тоже – уже бросил.

– Что?

– Смотри сюда.

Правой в челюсть, левой под ребро. Крепкий, зараза – только согнулся.

– Ты кто? – отшатнувшись, просипел тот.

Я молча ударил ещё раз – он упал. Пашка. Пашка Черенькин, или просто – «Чёрный»: гнида, какую ещё поискать. Не ожидал я – снова тебя увидеть. Обыскав Черного, я нашел паспорт. Так, посмотрим... Надо же, сменил. Сергей Черненко. Черненко... У него ещё и мания величия. Странно только, что такая мелкая. Я снова похлопал его по карманам (как же, не куришь ты!), вытащил зажигалку и сигареты. Курит он, конечно, дрянь, но сейчас – и это сойдет. Поджёт паспорт – пламя неохотно охватывало страницы – и бросил его на асфальт. Сделал этот – сделает и другой, пусть попрыгает. Прибить бы тебя, да много чести – мараться отакого гада. Ведь, как говорил Глеб Жеглов: «В любом, даже самом темном деле – найдется человек, который что-либо видел, слышал, знает, или догадывается». А ещё – много «сердобольных» гуманистов, которые кричат о свободе, пока самих не коснётся. Я затушил паспорт – всё равно, им уже не воспользоваться – и пошёл прочь.

—///—

Сработал будильник. Потянувшись к телефону, чтобы отключить звонок, я открыл глаза. Лёжа в кровати и пересчитывая плитки на потолке (иногда делаю так, чтобы быстрее проснуться), постоянно сбиваясь, я пытался вспомнить сон. Снилось что-то странное. Я вспомнил то, что безуспешно пытался вспомнить вчера: Оксана приезжает уже сегодня! Я рывком

сел – снова взяв мобильник, «чтобы посмотреть время», встряхнул головой, прогоняя остатки сонливости, медленно поднялся, потирая глаза. Удивительно, но я выпался – давно такого не помню. Так и не взглянув, бросил мобильник на стул и потопал на кухню, где, наконец, открыв холодильник, посмотрел на часы – и чуть не поперхнулся холодным молоком из пакета. До приезда оставался час, я бросился в ванную комнату. А может – и так сойдет, небритым?

–

– Привет Оксана, – протараторил я, переводя дыхание, в горле пересохло.

– Здравствуй, Серёжа. Что натворил?

– Ты о чём?

– Тебе виднее. Цветы вдруг купил. Я уже и не помню, когда ты мне такое внимание оказывал – сказала она, улыбаясь.

– А просто так – нельзя?

– Даже нужно. Но ведь я тебя знаю.

Теперь улыбнулся я.

– Ладно, пойдём.

Оксана... Наверное, это была единственная девушка, которая от меня не шарахалась, не смеялась и не считала психом... Удивительный человек. Мне стоило бы куда больше ценить её.

– О чём задумался?

– Я, и вправду – редко уделял тебе внимание, – сказал я, чуть смутившись.

– Проснулся! – она засмеялась. – С чего бы это?

– Кто знает, отчего просыпаются люди?

– Ну, ты как всегда в своём репертуаре! Пошли быстрее, холодно.

Действительно, холодало всё ощутимее. Подул слабый ветер, с неба изредка падали мелкие капли. Погода такая, что не поймешь: будет ли дождь, или «пронесёт»...

–

– Ну, давай, рассказывай, как докатился до жизни такой – сказала Оксана, наливая мне чай.

– Ты же знаешь, что я отвечу.

– Что ж ничего нового не придумал?

– Зачем?

– Ну-ну – пей, давай.

– Я не могу пить горячий – это ты тоже знаешь.

– Знаю. Пытаешься тебя разговорить – а ты молчишь, как всегда.

– Сон пытаюсь вспомнить.

– И как?

– Да никак. Странно, как-то.

– Давай, вспоминай – потом расскажешь.

—///—

Домой я пришёл в три часа ночи. Разулся, снял куртку и бухнулся на постель. До свидания мир, встретимся завтра...

– Ты где шлялся?

– Гулял, по улицам ходил.

Я глянул на часы: полдень, мать давно вернулась с дежурства. По выражению лица и интонации её обычного: «где шлялся?» – стало ясно, что она уже в курсе. Ночью меня кто-то видел, и даже успел рассказать... Быстро.

- Встретил старого знакомого.
- А этот знакомый – в милицию, на тебя, не заявит?
- Не бойся, не заявит.
- Оторвут тебе башку твою, если за неё не возьмешься...

Ещё одна постоянная присказка мамы: «оторвут тебе башку». И такой же, постоянный ответ:

- Конечно.
- Что конечно? Сколько ты ещё мать пытаться будешь? Зла не хватает...
- Да успокойся ты, мама, всё нормально.
- Нормально. Тюрьма по тебе плачет.
- То же ты говорила про отца.
- Оба вы хороши, кровопийцы. Ещё неизвестно, что с ним сейчас.
- Всё нормально, я был у него вчера.
- Как он? Пьёт опять?
- Нет, трезвый. Работу нашёл.
- Ну, хоть устраивается, малость, – мать вздохнула. – Садись, ешь.

—///—

- Оксана, тебе снились, когда-нибудь, вещие сны?
- Бывало, – Оксана улыбнулась.
- А сны с иной реальностью?
- Конечно. А что такое? Приснился другой мир?
- Да, можно и так сказать. Очень реальный... Только другой. Не могу вспомнить сейчас, какой именно.
- Мало ли, что снится. Это ведь – только сон.
- Да, да... Только сон – пробормотал я.
- Всё, задумался. Теперь точно – слова не вытянешь из тебя. Я в душ. А ты думай. Может, чего и придумаешь, – сказала она, грустно посмеиваясь.

Придумаю, обязательно. Но, скорее всего – снова додумаюсь только до того, какой же я идиот... Перевернувшись, я уткнулся лицом в подушку и закрыл глаза. Не хочу вставать... Но, спать – тоже, не особо хотелось. Наверное, всем знакомо: когда не можешь нормально выспаться, даже когда уже не нужно никуда торопиться. Болтаешься так всё утро, а то и весь день, «где-то между сном и явью». Что же мне снилось?..

Я вздрогнул и поднял голову – иногда так бывает: кажется, будто споткнулся и упал, хотя, на самом деле, падать некуда. Привет из подсознания – слышал, что это рефлекс дремучего прошлого, который защищал предков, когда они спали на ветвях деревьев... На меня смотрела испуганная Оксана.

- Что?
- Ты кричал.
- Сильно?
- Я из ванной слышала.

Я потер лоб. Так... Значит, уснул. Хоть и не хотел. Что случилось? В голове проступил обрывок сна: два жёлтых огня, очень напоминавшие глаза.

- Опять снилось.
- Что?
- Не знаю, муть какая-то.
- Иди, завтракай.

Оксана снова ушла в ванную, а я – нехотя поплёлся на кухню.

—///—

Быстро поев, я встал из-за стола и пошёл на выход. Мать только вздохнула. Идти... Лишь бы куда-нибудь. Не сидеть, бежать и не думать! Я пошёл на знакомый пустырь: чуть странное место, где большие, вековые сосны – соседствовали с молодыми, крохотными, и не было «средних» деревьев.

Здесь хорошо. Свободно, легко. Воздух – пока свежий, река вдалеке... Успокаивающий вид. Посмотрев по сторонам – я заметил, что здесь не один: недалеко от меня, стоял какой-то человек. Вдруг он резко повернулся и побежал к дереву, будто что-то увидел. Чудик... Почти у самого дерева этот странный тип запнулся и упал. Я ухмыльнулся, а он не вставал – так и остался лежать, лицом в землю. Ну даёт, это ж надо...

- Эй, ты живой? – я толкнул его в плечо, когда подошёл.
- Эээ... Аа... Ты кто?
- Живой, говорю? Что ж ты, паря, так носишься? Помочь? – я поднял его.
- Не надо, – сказал тот, ухватившись за ствол. – Я тут постою.
- Ну, тогда пока, бывай – я хлопнул его по плечу и пошел обратно.

Бывают же такие... Кадры – подумал я, отойдя на несколько шагов, но, будто почувствовав что-то, обернулся. «Кадр» стоял, пошатываясь. Захотев, наверное, опереться о дерево – он промахнулся и снова полетел вниз, но не упал. Не потому, что всё же удержался на ногах – а потому что исчез. Я подскочил в следующую секунду, не веря глазам. Никого – как сквозь землю провалился. И ведь уйти-то некуда. Я посмотрел с другой стороны: вдруг, за деревом? Нет, никого. И от земли – какой-то холод. Дела... Что же это творится? Кажется, знаю теперь, к кому нужно идти.

–

Валерка – ещё один местный чудак, один из немногих моих «близких» знакомых. Мы учились вместе со старших классов – он пришёл из другой школы. Тогда казалось, что он был обычным «ботаном», но лишь на первый взгляд. Просто другой, выделяющийся из серой толпы. Я мог зайти к Валерке почти когда угодно, хоть в два часа ночи – он принял бы меня, как родного. А ведь многих – и на порог бы не пустил. Может потому, что я никогда не заходил к нему без дела – крайне важного для меня, либо интересного для него. В общем, он был единственным – кого я мог, на полном серьёзе, назвать другом, остальных я так называл по привычке. До сих пор не могу точно сказать, чем же он занимается и как живёт, почти не выходя из дома. Кто-то называл его «хакером»; кто-то – «компьютерным гением», «ботаном»; а кто-то, как бы странно ни звучало – «готом». Всё зависело от умственного развития, знаний, и внимательности того, кто говорил. Я бы назвал его «новым отшельником», хотя, это тоже было бы неверно. Никакой ярлык не опишет человека, тем более Валерку.

- Я постучал, к моему удивлению – дверь открыли тут же.
- Привет, Валера.

- Здорово, Дрон. Каким ветром?
- Попутным. Ты куда-то уходишь?
- Да.
- Тогда по дороге объясню, хорошо?
- Конечно.

Мы вышли в осенний двор. Уже темнело, начал моросить дождь. Валерка улыбнулся – это была его любимая погода.

- Ты когда звонок поставишь?
- Да... Как-нибудь, – всё ещё улыбаясь, ответил Валерка. – Ты ведь по делу? Выкладывай.
- Чёрный в городе.
- Откуда знаешь?
- Сам видел.

Валерка хмыкнул.

- Я надеялся, что его уже нет в живых... Лишний раз убеждаешься, что дерьмо не тонет.
- Это не самое главное. Валера, ты можешь проверить, насколько я склонен к галлюцинациям?
- А что такое?

Я рассказал сегодняшнюю историю.

– Это не глюки. Точнее, я почти уверен в этом. Я ведь на тот пустырь и иду – давно к нему присматривался. Там раньше – стройка была. Вернее, должна была быть – хотели ставить какой-то магазинчик. Расчистили место, но как только туда зашла строительная техника – так вся и заглохла. Что интересно: обратно она ушла своим ходом. И я точно знаю, что некоторые – нормально заезжали туда на мотоциклах, у них всё работало. Бабки говорят – проклятое место. А когда туда приехал директор всего этого дела – то есть, магазинчика – так свалился с инсультом, через пять минут. Ещё раньше – там был лес. В общем, странное место, очень странное.

Валерка так говорил, что было уже не понять, где он – здесь, или в своих размышлениях. Взгляд «в никуда», тебя будто не слышит. Но, странное дело, в таком состоянии – он контролировал обстановку вокруг даже лучше, чем обычно.

- Вот и пришли, – сказал Валера. – Показывай, где это случилось.
- Вон там – я указал рукой на дерево.
- Здоровое какое. У тебя время с собой?
- Есть.
- Сколько сейчас?
- Десять восьмого.

Валерка снял свои часы, посмотрел время – и оставил их возле заметного камня.

- Аналогично. Теперь пойдём.

- Вот здесь он стоял. Через несколько секунд – его уже не было.
- Занятно, занятно... – пробормотал Валерка и изменился в лице: «смотри!» – Быстро сказал он.

Я обернулся

– Это же...

– Мы! Понял, что такое?

– Нет – Я смотрел на то, как Валерка кладет свои часы на землю, как мы идём... – мы что, в прошлом? Почему тогда мы не видели себя, когда шли сюда? – я повернулся к Валере, – Он, «глядя в никуда», бормотал себе под нос.

– Как диод, только в одну сторону... Исчезли...

Я обернулся – вторых (или – первых?) нас уже не было.

– Так что?

– Мы будто в коконе: здесь – одно время; а вокруг – другое.

– А то место, где мы исчезли – граница?

– Похоже.

Валера пошёл обратно, жестом увлекая меня за собой.

– Вот, здесь мы исчезли, – вдруг он резко повернулся. – Смотри!

Я снова увидел нас – такими же, как минуту назад.

– Этот барьер посылает в прошлое, но почему-то – мы не видим друг друга. Словно время ветвится.

Он подошёл к оставленным часам.

– Десять минут – будто никуда не уходили. Примерно минуту мы тратили на дорогу в одну сторону – значит, каждый раз мы перемещались на минуту назад... Но других нас здесь нет, а часы остались.

– Так что это значит?

– У меня только одно предположение – время ветвится.

– Как это?

– А я знаю? Мы пришли в то же время, но несколько другую реальность, где нет старых нас. Часы показывают то же время, когда мы ушли, ничего произойти ещё не могло, хоть для нас прошло уже две минуты. Получается, что у нас было своё, иное время, другая система отсчёта. Где мы, по-твоему, были? Потому-то мы и не видели себя, когда шли сюда – тогда нас не существовало, относительно прежних нас. Зато потом...

– Стоп, стоп, стоп, у меня сейчас голова разорвется – ничего не понимаю.

– Да я сам не пойму, не знаю, как описать. Пошли, познакомлю тебя с тем самым чудиком, я сейчас к нему.

– Ты его знаешь?

– Давно.

– Я его, с тобой вместе – никогда раньше не видел.

– Бывает.

—///—

Огонь, кругом огонь и дым, я закашлялся. «Нужно скорее выбираться», – думал я, с трудом понимая, где нахожусь. Что-то громко затрещало, стало темно.

– Что случилось? – еле проговорил я, открывая глаза.

Язык плохо слушался – непонятно, понимают ли меня вообще.

– Тебе повезло, парень, очень повезло.

- Где я?
- Сеть, частный сектор.
- Сеть? Какая ещё сеть?
- Город Сеть, это его название. Улица Овражная, время... – незнакомец посмотрел на часы (точнее, мне вначале так показалось, его запястье было чисто) – Полдвенадцатого.
- У тебя невидимые часы?
- Нет, это привычка.
- Тогда как ты узнал время?
- Посчитал. Этому учат – ты что, никогда о таком не слышал?
- Нет. И как ты считаешь?
- Не знаю, всё само получается.
- Просто думаешь и угадываешь?
- Да.
- И никогда не ошибаешься?
- Нет, только когда учился.

Интересно... Сеть, значит. Я встал, отряхиваясь.

- Сеть, говоришь? А Рыбак у вас есть? Или Паук, какой-нибудь?
- Рыбака нет, – незнакомец смерил меня глазами. – Паук есть. Ты что, ничего не помнишь?
- По... Нет, не помню. Как называется страна?
- Стран давно не существует, есть только города и объединения.

Нет стран... Ещё лучше. Где же я?

- Что за объединения?
- Разные. Маленькие объединяются в более крупные: начиная с кланов, «семей» и подобных – заканчивая людьми, чужими и киберами.
- Чужими? Это инопланетяне?
- Да. А киберы – это и люди и чужие, которые перестроили тело. У некоторых, от своего – разве что, мозг остался. У киберов другие потребности, потому они и стоят особняком.
- Как же вы тут все умещаетесь?
- Нас не так уж много. Когда Земля исчерпала все разведанные энергоресурсы, началась война. Старые энергетики рвали друг другу глотки и не пускали никого на своё место, власть менялась. Появились новые лидеры, которые быстрее адаптировались в новом мире, развернулась битва за старые ресурсы и новые технологии. Анархия, отсутствие всякой помощи, в том числе и медицинской, привела к тому, что народ пытался выживать любым способом. Росла смертность, а рождаемость упала почти до нуля. Увеличилось количество мутаций, появились новые болезни.
- Как по учебнику говоришь. А чужие?
- Они появились во время войны, но, к счастью, нас никто не собирался захватывать. Это были, в основном, отщепенцы иных миров, которых никто не принимал на родине. Беглые, ссыльные, и просто недовольные. Землю раздирали войны, многим стало всё равно, из какого ты мира: главное – на чьей ты стороне. Пришельцы быстро поняли, что не стоит с нами воевать, правильнее присоединиться к тем или другим. Так на землю попали инопланетные технологии. Далеко не всё оказалось возможным применить, но это дало ещё один толчок к окончанию войны.
- Какой сейчас год?
- Три тысячи восьмой от начала старой эры, двести двадцать первый с начала новейшей.
- Новейшей? Когда война закончилась?

- Да. И мы действительно, ведем отсчет в двух системах.
- Зачем?

Парень пожал плечами, я поймал себя на мысли, что не спросил его имени.

- Не знаю, так уж повелось.
- Как тебя зовут?
- Лодер.
- Я Сергей.
- Ну, будем знакомы, Сергей. Есть хочешь?
- Хочу.
- Тогда пошли.

Я поднялся с корточек и пошел вслед за... Спасителем? Все мысли вытеснила одна: «где я?».

- Ты под ноги-то смотри, а то тут и голову разбить недолго.
  - Что?
- Но я уже запнулся и летел вниз...

—///—

Валера позвонил, открыли не сразу – примерно, через минуту.

- Привет, Серёга. Ты чего это – на ночь спишь?

Вид у того и впрямь – оказался вялый и заспанный.

- А-а... Валера... Заходи. Сколько времени?
- Девять.
- Вечера?
- Ночи, – усмехнулся Валерка. – С тобой что?
- Ничего не помню... Почти... Какое число?
- Двадцать девятое августа две тысячи девятого года от первого пришествия, – он ещё раз улыбнулся.
- Значит, я проспал весь день... И ночь, – сказал Серёга, растирая шевелюру.
- Как спалось?
- Видать, хорошо, – я вступил в разговор, – Вон, сколько продрых.
- Это кто?
- Знакомый. Хороший. Ты давай, вспоминай – где был, чего видел.
- Все шутишь... – Серёга снова потер голову.
- Вполне серьёзно.

Чудик резко изменился во взгляде и лице – будто действительно, что-то вспомнил.

- Точно, был. Пожар. Другой мир. Земля. А может, и нет... После апокалипсиса. Наверное...
- И как там?
- Там была война, государств нет... Только какие-то группы и объединения. Жить можно. Или... Выживать. Люди остались. И... Инопланетяне.
- Больше ничего не помнишь?
- Не помню...
- Да и так, слишком много рассказал, – я вновь вступил в разговор. – Для сна, много.

– Это был не совсем сон, – сказал Валерка. – Я так думаю. Он – точнее, его психическое тело, действительно находилось в другом мире.

– Откуда он так много знает? Про войну, про инопланетян. Он что, сразу в нескольких временах был?

– Не исключено.

– Я говорил там, с одним. Человеком...

– Говорил? Уже интереснее. Материализация... Или – там все духи. Первое кажется... Более вероятным.

Валерка снова погрузился в раздумья и бормотал сам с собой.

– Значит, ты Сергей? – сказал я чудику.

Он кивнул.

– Дрон, – я подал ему руку.

Тот протянул ладонь в ответ. Какая хватка... По виду – не скажешь.

– Ты давно Валерку знаешь?

– Давно.

– Странно, что не пересекались никогда.

– Значит, не было необходимости. Да и я редко у него бываю.

Валерка вышел из раздумий.

– Что, познакомились уже? Я придумал кой-чего, через недельку вам звякну – будете мне нужны, оба.

– Ну все, туши свет, Валера снова что-то придумал, – сказал Серёга.

– Будем ждать, – сказал я. – Это будет интересно.

– Интересно, интересно. Дрон, ты идешь? Или останешься?

– Пойду.

– Я к себе. Пока, Серега.

– Пока – сказал я, и пожал руку своему новому знакомому.

– Скоро увидимся.

Странно, что мы раньше не встречались.

—///—

– Как думаешь, что он сделал?

– Посмотрим, – сказал я, шагнув с тротуара.

Серёга задумался.

– Ты чего встал? Пошли уже.

– Зелёный жду.

– Ну-ну... Мыслитель.

Мы перешли дорогу.

– Что гадать-то? Увидим.

Валерка, вопреки своему первому заверению, пропал на пару недель, а «сбор» – назначил только через три. Мы с Серёгой легко нашли общий язык и не раз уже бывали на пустыре

вдвоём: я – просто так; а он, похоже – задумал что-то своё. Серега оказался вполне адекватным парнем, со «своими тараканами». Мы поднялись наверх, как условились. Валерка всё ещё не торопился.

- Думаешь, придёт?
- Посмотрим, – сказал я. – Ты же знаешь, он всякое может выкинуть. Но думаю – придёт.
- Почему?
- А вон он, смотри.

Валерка показался внизу, быстро шагая по направлению к нам.

- Привет – сказали мы в голос. – Давай, показывай, что придумал.

Валерка достал КПК

- Ты где его откопал?
- Неважно.
- Что это?
- Программа специальная.
- И что ты делать собрался?
- Как получится. Эта программа изменяет состояние сознания, вы нужны мне для подстраховки.
- Ты хочешь увидеть другой мир?
- Да.
- Обратного не забудь вернуться, – сказал я. Начинай, мы подстрахуем. Серега! Ты куда ушёл? Иди сюда!

Подошёл Сергей.

- Что, начинаете?
- Начинаем. Я сейчас запущу программу, а вы следите за мной. Возможно, ничего не произойдёт; возможно – я потеряю сознание; возможно, буду «не в себе». Ваша задача – наблюдать за мной. Через пятнадцать минут, если будет нужно, начнёте приводить меня в чувство. Дрон, ты ведь не раз – пьяных «оживлял»? Действуй так же.
- А я тогда зачем? – Спросил Серёга.
- Лишним не будешь.

Валерка прислонился спиной к дереву, надел наушники и уставился на экран. Мы же – с интересом смотрели на всё. Прошла минута, ничего не изменилось, я зевнул. Внезапно, Валерка начал оседать... Рванувшись к дереву, я остановился – будто что-то удерживало меня. Не физически – мысленно. Я чётко осознал вдруг, что всё должно идти, как идёт – и не нужно вмешиваться.

- И что будем делать?

Серега с растерянным видом переминался с ноги на ногу, неуверенно озираясь, глядя то на меня, то на Валерку, то оглядываясь назад.

- Ждать. Пятнадцать минут, как договорились. А потом – будем пытаться привести в чувство.
- Смотри!!!

Сложно было поверить, но всё происходило на наших глазах: Валерка бледнел и растворялся, как призрак.

- Нет, невозможно... – прошептал я.

Теперь Серёга бросился Валере, я вовремя схватил и удержал его.

– Пусти!

– Нет. Ты ничего не изменишь.

– С чего ты это взял?!

– С того.

Серёга сел на землю, его начинало бить крупной дрожью. Губы тряслись, руки ходили ходуном, казалось – вот-вот начнётся припадок. Через несколько минут он успокоился и замер, закрыв глаза, только иногда подёргивая головой. У меня тоже предательски дрожали колени, я держался только за счёт невесты откуда взявшейся уверенности, что всё идёт как надо.

– Ты ничего не сможешь изменить, – сказал я, наконец. – Посуди сам, что ты сделаешь? Нырнешь вслед за ним? Либо ничего не произойдёт, либо ты, как и он – растворишься, окажешься неизвестно где. Позвать «кого-нибудь»? Скорее всего – подумают, что у тебя «поехала крыша». И, в лучшем случае, покрутят пальцем у виска, а в худшем – закроют в «дурку». Даже если предположить, что тебе поверят, придут учёные – сам ты сюда вряд ли уже попадёшь просто так. Да и Валерка, если он вернётся – более вероятно то, что он появится именно здесь, а не в другом месте – неизвестно, что с ним будет, попади он в руки учёных. Я не паранойю и не преувеличиваю, ничуть. Вероятность увидеть его – будет намного меньше.

– И что тогда? – Серёга медленно поднялся, голос его всё ещё дрожал.

– Будем ждать.

—///—

Я поднялся с земли, ни Дрона, ни Серёги рядом не было. В небе – будто бомба взорвалась: сквозь плотную серую пелену еле пробивались красные лучи солнца.

– Стой!

Я обернулся. Передо мной стоял... Человек? Костюм неопределяемого цвета, который отлично сливался с местностью; дыхательная маска, за которой ничего не видно. Автомат(?) напоминал наш АК – только, казалось, был сделан из пластика. Впрочем, такая мелочь становится несущественной, когда на тебя нацелен ствол – пусть и неизвестного, оружия.

– Кто ты? Что здесь делаешь? Где твой жетон?

– Ва... – начал было я, но понял, что ничего внятного сказать не смогу. – Я не помню, кто я и как здесь оказался.

– Покажи руки, закатай рукава.

Я сделал, что просили.

– Где твой жетон? Ты должен его носить на запястье.

– Я не знаю.

– Пойдешь со мной.

– Куда?

– Куда нужно. Будешь задавать лишние вопросы – останешься здесь и больше никуда не уйдёшь.

Что это, и где я? Что делается сейчас там, у нас?

– Шевелись! – меня резко окликнули. – Ускорение придать?

–

Я ожидал увидеть нечто, вроде развалин, но нет – город, вполне приличный. Вокруг чистота – чище, чем у нас.

Мы зашли в одно из зданий и спустились куда-то вниз.

– Эльдар! Я тебе ещё одного привёл.

– Кто?

– Говорит, что ничего не помнит.

– В коллектор его. Завтра – как раз отправляем партию.

И снова неожиданность: место, в которое меня привели, напоминало больничную палату, а не камеру. Резкий свет ударил в глаза – будто они хотели ослепить любого, кто сюда войдёт. Огромная, пустая комната... Несмотря на то, что вокруг было полно мест, меня отвели куда-то на середину.

– Садись, – меня взяли за плечо и резко толкнули вниз, на койку. – А лучше, сразу приляг.

Солдат – именно так я решил называть того, кто меня схватил – ушёл. Где же я? «Раз уж время есть, так хоть отосплюсь», – подумал я, и лёг. Всё же, где я? Свет погас, я почувствовал, как теряю сознание.

—///—

– Эй! Серёга! Ты меня слышишь? Я толкнул его в плечо.

– Слышу, полчаса уже стоим.

– С тобой, точно – всё нормально?

– Да. Пойдём домой. Где бы Валерка ни был – как только появится возможность, он даст знать.

Вот так. Был человек – и нет больше. И неизвестно, что делать. Я пошёл домой – если ничего не путаю, я уже с месяц как не заглядывал туда. Пора.

–

– Ма-ам! Ты дома?

Никого. Наверное, на работе. Я направился на кухню. Так-с, что у нас здесь... Пустой холодильник, пора пополнить. Всё-таки, странно, – подумал я, закрывая дверь. – Что-то не так.

—///—

Что-то не так? Странное чувство. Я зашел в подъезд, навстречу выбежало несколько соседских мальчишек, один из которых чуть не врезался в меня. Нет, просто показалось. Нервишки...

– Оксана, ты дома?

Молчок. Странно, должна бы уже прийти.

– Ты чего дверь открытой держишь? – раздался голос из-за спины.

Оксана. И с ней, явно, что-то не так... Она зашла, скинула кроссовки; не снимая куртки – прошла в гостиную и плюхнулась на диван. Я закрыл дверь, переставил небрежно брошенную обувь.

– Что с тобой? – Я сел рядом.

– Всё нормально.

– Разве? – я снял с неё курточку. – Ладно, захочешь – расскажешь. Такой я её не припомню. Она всегда прекрасно держится: если что не так – виду не подаст. Теперь, правда, тоже пытается не подавать, но я-то всегда знаю, если у неё что-то случается. А сейчас – это заметил бы каждый. Я вышел в коридор и повесил куртку на вешалку, пошёл на кухню за чаем. Это было лучшее, что я пока мог сделать.

—///—

У подъезда я встретил соседку.

– Тётя Нюра, мама на дежурстве?

– Ты где был, засранец? В больнице мать твоя, два дня уже. Сердце.

Баба Нюра. Никто уже не знает, откуда она. Приехала она сюда, когда ей было столько, сколько сейчас мне. Каждая квартира в нашем подъезде успела сменить двух владельцев за это время. Любители почесать языки – говорили, что она ведьма... И правда: по её словам – ей было шестьдесят пять, но выглядела она лет на пятнадцать моложе. И очень не любила, когда её называли «Бабой».

– Где, в какой?

– Не пустят тебя к ней сейчас.

– Да чхал я – наих «не пустят»! Знаете ведь, тетя Нюра.

– С тебя, засранец, станется, – улыбнулась она. – На Гоголя, знаешь где?

– Знаю. Спасибо, тетя Нюра.

– Под ноги гляди! Как ты себе шею, до сих пор, не свернул.

– Вашими молитвами.

«Засранец» – это прозвище баба Нюра повесила на меня с детства. Я никогда не обижался – не знаю даже, почему. Других мальчишек она называла более ласково, но почти все они сторонились её. Боялись, наверное...

—///—

Меня разбудил вой сирены. Картина изменилась – место, где я находился, теперь выглядело более реально: обычная, длинная комната, с кроватями вдоль стен. Вокруг меня другие люди, все поднимаются и выходят. На выходе нам надевали какое-то подобие наручников, называли номер и выталкивали в длинный коридор, который вёл неизвестно куда. Мне это напомнило грузовой отсек транспорта. Похоже, мы и были той самой «партией». В комнату зашёл солдат – точь-в-точь такой же, как и тот, что привёл меня сюда, голос его гремел и отдавался эхом.

– Даю краткий инструктаж: не вставать с мест, пока не разрешат; не разговаривать. Нарушители пойдут в переработку. Всем ясно? Задницы на место – и замерли!

Солдат ушёл. Почти сразу же появился слабый гул, машина чуть качнулась.

– Взлетели, – прошептал человек рядом со мной.

– Говорить же нельзя?

– Можно, если осторожно. Да и Гриды – не такие уж звери.

Гриды... Так вот как их называют.

– Где мы?

– Транспортный отсек научного корабля.

- Куда нас везут?
- Этого никто не знает. Надеюсь, просто на обработку.
- Может быть что-то иное?
- Может. Об этом я не хочу думать.

- Нас сильно качнуло – несколько раз.
- Хорошо же у вас трясёт.
  - Так не должно быть. Что-то случилось.

- Тряска пропала, машина вновь пошла ровно.
- Всем сидеть, мы идем на сниженной высоте, – раздалось из невидимых динамиков.

И тут ударило так, что все слетели со своих мест. Мы что, падаем? Последний толчок выбил лишние мысли, оставив одну: «как выбраться отсюда?». В стене появилась пробоина, динамики затрещали и тотчас замолкли, двери открылись. Никто не заходил, все стали рваться к выходу: кто-то прыгал сразу; кто-то – остановился на краю.

– Как тебя зовут? – спросил я у своего соседа. Мне не ответили. Обернувшись – я понял, что он мертв: струйка крови стекала по лицу, дыхания не чувствовалось. Я подошел к выходу. Четвёртый этаж, примерно... Высоковато, чтобы прыгать.

Большинство тех, кто всё же отважился на прыжок – лежало внизу, но некоторые поднимались и ковыляли подальше от места аварии. Бежать – мало кто мог. Меня окликнули.

- Ты почему не спрыгнул?
- Думаю, стоит поискать другой выход.
- Я тоже так подумал. И как можно скорее.

- Мы побежали вглубь судна
- Как тебя зовут?
  - Зотгар. Или просто – Зот.
  - А меня... Трэшк.
  - Странное имя.

Странное. Настоящее, наверное, здесь будет звучать ещё более странно. Я назвал первое, что пришло в голову – один из моих «ников».

- Ты знаешь, как снять эти наручники?
- У охранников должны быть ключи.
- Не очень радуется встреча с ними.
- За нами никто не пришёл, значит – либо мы не столь важны и они покинули судно, либо они без сознания. Запасные ключи есть в кабине пилотов.
- Всегда может быть третий вариант.
- Будешь много болтать, у тебя их не останется вообще.
- Откуда ты знаешь, куда идти?
- Знаю. Тебе не всё равно?

- Мы натолкнулись на одного из охранников – он лежал без сознания.
- А вот и ключи, – сказал Зотгар, сняв пластинку с груди Грида.

Я потёр запястья, освободившись от наручников.

– Это оружие? – спросил я, указав на нечто, висевшее на поясе охранника, напоминавшее большой пистолет.

– Оружие, но ты не сможешь им пользоваться.

– Почему?

– Из какой дыры ты вылез, что не знаешь, как выглядит и действует оружие Гридов?

– Это далеко.

– Ладно, не важно. Нам нужно в кабину пилотов, там есть более простое оружие.

Мы миновали ещё пару коридоров.

– Здесь! – Сказал Зотгар, резко открывая дверь.

Это не было похоже на кабину пилотов, скорее – какая-то подсобка. На полу, лицом вниз, лежал человек.

– Один есть, где-то – ещё двое.

Зотгар перевернул тело

– Так, весело...

Зот начал хлопать незнакомца по щекам, тот стал мычать, и вдруг резко схватил Зота «за грудки». Зот, дав ему хорошую оплеуху и оторвав от себя, крикнул:

– Зак, Это я! Приди в себя!

Тот, кажется, очнулся.

– Зот?

– Я. Ты почему в форме пилота? Договаривались ведь – как можно незаметнее!

– Производственная необходимость, – Зак потрогал челюсть. – Зачем так бить-то?

– Производственная необходимость, – Зот усмехнулся, встал, открыл и тут же захлопнул неприметный шкаф в стене. – Ты знаешь, где оружие?

– Знаю, пошли.

—//—

Я достал коробку. Не знаю, почему, за что – Оксана любила чай из пакетиков. Я же его не пил – держал в запасе, «на всякий случай». Не по каким-то особым соображениям – просто не пил. Разве что «за компанию». А может... Я вспомнил бабушкин рецепт, который любил в детстве. Пошарив в шкафу – нашёл семя укропа. Так, ещё нужен мед... Я открыл холодильник. Зачем его там держать? Всё равно ведь, ничего ему не сделается – только место занимает. Или, всё-таки, испортится? Я высыпал укроп в кружку, залил молоком и сунул в микроволновку. Уже в горячее и процеженное – добавил мёда, хорошо размешал. Оксана любит молоко – надеюсь, и это понравится.

–

Что делать, что делать, что делать... Пашка... Зачем... Почему он вернулся... И как он, вообще, меня нашёл?! Зачем, зачем?! Я не могла ни о чём думать. Пашка. Пашка вернулся. Сводный брат – у нас разные отцы, я никогда не воспринимала его, как родного. Почему, почему я чувствую себя ответственной перед этой сволочью? В своей жизни он только и делал, что отравлял жизнь всем другим. Нет, он не был ни любимчиком, ни маминым сыночком, у него не было никаких привилегий. Только младше меня, на три года. Но он не был похож, ни на меня, ни на мать, ни на моего отца. Хотя, я не видела наших отцов – ни своего, ни его. По словам матери – мой папа умер через полгода после моего рождения, а о другом она никогда

не говорила. Видимо, на него он и был похож. Никогда не поверила бы, наверное, что одна только наследственность может так влиять на характер...

–

– Ну, как ты тут?

Оксана подняла глаза. Мокрые, но не красные.

– Нормально.

– Держи.

– Что это?

– Молоко, попробуй.

Оксана сделала глоток.

– Вкусно. Спасибо, ты настоящий друг, Чебурашка.

Несмешная шутка... Совсем плохо. Ты стала похожа на обычную девушку, – думал я, глядя на неё. Я-то знаю, что ты умеешь плакать, хоть многие и не верят в это. Похожа на обычную... Говорят: «жизнь обломает» – имея в виду, что наберешь больше опыта, «знания жизни». Я же всегда воспринимал это как: «всё равно станешь таким, как все». Жизнь обломает... Да, против неё не попрёшь. Нельзя вечно, «в лоб», идти против толпы: растопчет, оплюет, и ещё даст всему обоснование – «мораль», для других. И все (ну, почти) согласятся. Что же у тебя случилось, Оксана? Такая мелочь, как непонимание других, тебя уже вряд ли тронет.

– Может, расскажешь, в чём дело?

Секунду она смотрела на меня. Да, ты изменилась, ты уже не та. Чуть-чуть, но, всё же... Что теперь не так?

– Расскажу. Потом...

—///—

– Ты где это ископаемое добыл?

Зотгар взял у Зака то, что, по-видимому, должно было быть оружием. Выглядело оно отнюдь не ископаемым, скорее – напоминало футуристический фен.

– Не знал, что такие ещё остались. Эс-Эр один! Это же... Как ты заряжаешь эту штуку?

– Зарядка не проблема, наши умельцы многое могут, – Зак достал и передал Зотгару ещё один, точно такой же, «фен». – Видишь различия?

– Он тяжелее.

– И мощность в два раза выше.

– Никто ведь не знает, как эти штуки работали?

– И сейчас – толком, не знают. Но мощность сумели увеличить.

– Это всё, что у тебя есть?

Зак оскалился. Не просто улыбнулся – именно оскалился! Из рта его торчали клыки, примерно по сантиметру каждый.

– Всё, пока что. А ты хотел, чтобы я арсенал сюда притащил?

– Нет, но эти штуки... Ненадёжно.

– Пошли, тактик. Слушай стратега – тогда и оружие, может, не понадобится.

– А...

– А «вдруг» и «если» не будет!

Ну, здорово. Новый знакомый оказался... Вампиром?оборотнем? Я поймал себя на мысли, что иду по шаблону, навязанному фильмами. Конечно, он мог быть кем угодно: вампиром; оборотнем; мутантом... Или просто – парнем, с большими клыками. Мало ли что? При желании, можно найти много объяснений. И верными, возможно, будет несколько. А может – ни одного.

– Что это такое?

– Тоже никогда не видел? Это сверхрезонатор – такая маленькая штучка, которая вызывает резонанс в любом предмете. Понимаешь, что при этом происходит?

– Понимаю. Непонятно, как такое возможно.

– Я тоже не понимаю, вижу только эффект – любой материал разрушается, под его действием.

– А вода?

– Испаряется, если немного. В ней гибнет всё живое.

– Самое интересное, что это не совсем оружие. Говорят, это было детской игрушкой, – добавил Зот.

– Как так?

– Вот так. Спортивный, или даже игрушечный, пистолет – стреляли по шарикам.

– А как же...

– У них была защита, играли на спецплощадках. Как работала эта защита – никто не знает, загадка.

– Всё, что ни изобретал человек – он пытался использовать, как оружие. Но иногда оружие – используют как игрушку. Ирония...

– А друг-то, у тебя, я смотрю, философ. Трэшк, кажется? Ты лучше по сторонам смотри.

– Трэшк. Откуда вы знаете моё имя?

– Он многое знает, – отозвался Зот.

– Всем тихо! Скоро будет пост – чтобы ни звука и на чеку.

– Но как мы пройдем?

– Пройдём, не суетись раньше времени. Зак свое дело знает.

– Всем замолкнуть!

Зак сунул руку в карман, достал вещицу, очень похожую на пейджер, нажал на нем пару кнопок и тихо сказал: «За мной!».

– Иди справа от меня, – так же тихо, сказал Зот.

Мы быстро прошли метров двести, никакого поста я не видел. Всё, что попало в поле зрения – только здания вдалеке. Никакой опасности, на первый взгляд. Зак шёл, сосредоточившись, будто по невидимой тропинке: то слишком прямо, то резко поворачивая. Зотгар шёл точно за ним, я невольно повторял движения, шагая «след в след».

– Всё, прошли.

– А где пост?

– Здесь вся земля в датчиках – но есть мертвые зоны, в которых чувствительность минимальна, – ответил Зак.

– У тебя новая «глушилка»?

Зак снова достал «пейджер» и нажал кнопку.

– Новая. И место – новое.

– Мы ведь были здесь, четыре года назад?

– Ты многое пропустил – поверь, оно новое. Почти.

—///—

Мама... Как же тебя угораздило? И ведь на сердце никогда не жаловалась. Хотя, ты почти никогда ни на что не жаловалась – не любила.

– Молодой человек, вы куда?

Охраны здесь раньше не было... Терактов, что ли, бояться? В общем-то, правильно.

– Вы к кому? – повторили чуть раздражённо.

– К матери.

– Фамилия?

– Бесстужева Дарья.

– Бестужева... – пробормотал охранник, сверяясь со своими записями. – Хм, всегда думал, что эта фамилия пишется с одной «С».

– Обычно так и пишут, но тут другой случай. Где она?

– Шестая палата, к ней нельзя.

– Почему? Всё так плохо?

– А это ты у врача спросишь, приёмное время – вон там посмотри. Охранник кивком указал на стену, где висел информационный щит.

– Может, пропустишь?

– Может, гроб сразу закажешь?

– Да ты думай, что говоришь-то!

Почти невольно – я начал сжимать кулаки и подался к нему, почувствовал, как накатывает ярость.

– А ты думай, что делаешь. Мать дорога? Сказано – не тревожить!

– Я чуть остыл – ведь он прав, отчасти.

– Что за шум? – откуда-то из отделения вышел парень, лет тридцати пяти.

– Да вот, в шестую ломится, к Дарье Бесстужевой.

– Вы кто ей?

– Сын. Как она?

– Она в порядке. Ничего, конечно, хорошего, но самое плохое уже позади. И всё же – лучше пока её не беспокоить. Тем более что она сейчас спит. Я передам ей, что вы заходили.

– Скажите, чтобы за меня не волновалась, что всё хорошо, я всё...

– Всё? – врач улыбнулся.

– Всё хорошо. До свидания.

– И вам всего доброго.

Чуть не сказал: «я всё для неё сделаю». Кого обманывать? Я прибью за неё любого, ЛЮБОГО! До кого руки дотянутся... Но не изменюсь сам. А этого она хотела бы больше всего. Шестая палата... Её окна должны быть где-то здесь. Я взобрался на дерево, заглянул внутрь. Мама спала – никаких капельниц и трубок в носу, как я уже представил. Чего только не рисует воображение, когда боишься. Мама... Прости. Прости, в который раз. Я, правда, на все ради тебя готов. Только не меняя себя – в угоду этому гнилому миру. Не потакая ему. Все хотят видеть своих детей красивыми, здоровыми, успешными... Лучше себя. И ты тоже. Прости. Ты никогда не пыталась меня переделать или воспитать вновь, ты всегда учила думать меня своей головой, не лезла в душу с нравоучениями. Спасибо тебе, этого ничем не измерить. Ничем. Говорят, что все мы в неоплаченном долгу перед родителями – это неправда. Но, так бывает.

Я ещё поквитаюсь с этим мирком за то, что он сделал с тобой и с нами. Как бы дико и безумно это ни звучало.

—///—

Прошло уже два дня. Всё, вроде бы, наладилось, но я чувствовал напряжение Оксаны. Думать про это, «что-то», она не переставала. Может, стоит снова спросить её? Ведь не расскажет сама. Не расскажет...

– О чём задумался?

– Оксана... – я поднял глаза. – Я не заметил, когда ты пришла.

– Не удивительно, – она улыбнулась. – Ты ведь у нас мыслитель, у тебя телевизор из-под носа можно утащить, а ты и не заметишь. Кстати, зачем он тебе, если всё равно не смотришь?

– Смотрю, иногда... Когда ты пришла?

– Пять минут назад. Или около того.

– Оксана... Я всё хочу у тебя спросить...

– Я расскажу. А ты – сделай мне свой укроповый чай, пока что.

– Я ведь его процедил тогда. Сразу поняла, что это было?

– Сразу, мне такое мама давала.

– Хорошо, сейчас сделаю. Жди, – я обнял её. – Ты ведь не убежишь?

Она не ответила – только снова снисходительно посмотрела на меня. Сколько же ещё загадок мне суждено найти в ней, сколько раскрыть... Вернулся я через пару минут – Оксана переключала телеканалы, не задерживаясь ни на одном, как только я зашёл, она выключила телевизор.

– Ничего интересного нет. Может, продашь его? Или отдашь нуждающимся?

– Пускай стоит. Держи, – я подал ей кружку.

Отпив, она поставила её на столик рядом с креслом.

– Спасибо.

Я взял её за руку.

– Рассказывай.

– У меня есть брат...

– А...

– Я не хотела о нём говорить, – опережая мой вопрос, сказала Оксана. – У нас разные отцы, да и братом я могу его назвать с натяжкой. Он... Никогда не был похож ни на меня, ни на мать, хоть и жил, рос с нами до пятнадцати лет. Отца его я никогда не видела, мама о нём ничего не рассказывала. Соседи – всякое говорили... Одни – что в тюрьме сидит, другие – что нет, что кто-то, мол, недавно, видел его. Кто-то тут же подхватывал, что он сбежал. Много чего. И что мошенник он, скользкий тип, и как только таких – земля носит. Рассказывали, что убили его. Есть ли в этом хоть часть правды – не знаю. Сплетни, что с них взять. Пашка родился, будто для того, чтобы испоганить нам жизнь. Нехорошо, может, так говорить, но иначе не могу. Мама, после того как его родила, заработала кучу болячек, и хоть говорят, что вторые роды проходят проще первых – рожала тяжелее. Он младше меня на три года. До пяти лет он постоянно болел, до девяти... Наверное, это были самые тихие годы. А после – он убежал из дома. Лучше бы и не возвращался. С нами он прожил до пятнадцати лет, потом ушёл. Говорил тогда, что живёт у отца. Иногда заваливался к нам домой, за полночь, пьяный. Мама умерла через четыре года, я продала квартиру и уехала в другой город, там купила квартиру поменьше. Прошло совсем немного времени – он меня нашёл, начал требовать денег. Я снова продала

квартиру, снова уехала. Денег на новую – уже не хватило бы. Да и не хотелось сидеть на одном месте. Снимала жильё, искала работу... Иногда – жила у знакомых. Вот так. Он как чёрт – только и делает, что портит жизнь другим. И преследует меня... Я... – Оксана осеклась, голос её дрогнул. Запрокинув голову и закрыв глаза, она откинулась на спинку кресла, перевела дыхание. – Я больше ничего не хочу говорить.

Я подсел к ней на корточки, взял за руки.

– Ты и так сказала достаточно. Столько, что мне кажется – я узнал того, о ком ты говоришь. Ты не должна больше уезжать, быть одна.

– Он везде меня найдёт.

– И что? Оксана, тебе самой это не надоело? Мы с тобой, давно уже – куда больше, чем «просто знакомые». А живем, будто... Не назовёшь, как. Не бывает так, нонсенс. Я-то всё думал, почему ты не хочешь оставаться. Про семью и не заикнёшься. А ты – боишься, неизвестно чего. То есть, конечно, известно, только вот... Неправильно это.

– Я не хочу никому портить жизнь.

– Оксана, испортить себе жизнь – мы можем только сами.

– Я, по-твоему, сама просила его, чтобы он доставал меня?

– Конечно, нет. Но пыталась ли ты с ним, хоть как-то, разобраться?

– С ним бесполезно говорить.

– А кто говорит о беседе? Если кто-то не понимает слов – с ним общаются по-другому.

– Он же брат мой...

– Ты уверена? Это не брат, это отпрыск твоей матери. Не сын – выродок. Хоть ты не хочешь это признавать.

– Мама болела, он болел... Я всегда чувствовала какую-то ответственность перед ним...

– Ответственность... Кстати, какая ещё ответственность? Тебе же было только три года, когда он родился!

– Ты забыл? Я же была чудо-ребёнком, – Оксана, впервые за разговор, улыбнулась.

– Ты всегда была чудом, – я крепче сжал её руки, поднёс к губам. – Ты не должна уходить.

—///—

– А у вас здесь неплохо... Даже, уютно.

Я осматривал место, куда мы, наконец-то, пришли. На подвал, как мне представлялось раньше, это не было похоже. Скорее, на обычный дом. Только окон не наблюдалось – мы, всё же, находились под землёй.

– Ещё бы, – сказал Зак. – Мы сейчас же можем законсервироваться – и жить здесь, лет двадцать.

– И как вы всё это устроили? Не своими же силами?

– Конечно, – Зак усмехнулся. – Таких бункеров много.

– И все заброшены? Никак не контролируются?

– Почти.

Но ведь мы совсем рядом с каким-то поселением... Власти что, на другой планете? Я понял, что почти уже с минуту стою на одном месте, и улыбаюсь. Как идиот. Да, вряд ли этот мир так сильно отличается от нашего. Если улыбаешься непонятно чему – значит, идиот. Следуя такой логике – глухой от рождения мог бы назвать идиотами всех остальных. Но кого это волнует... Куда все подевались? Я начал подробнее осматривать убежище и вышел из комнаты в большой зал. Даже странно, зачем такой большой? Собрать народ для важных сооб-

щений? Он напоминал большую гостиную – огромную и нелепую: пара диванов; пара кресел в центре зала, с высоким(!) потолком; хаотично разбросанные стулья; вдоль стен – какое-то подобие лавок; несколько шкафчиков. Будь это помещение более вытянутым, оно напомнило бы школьный спортзал. Интересно, сколько же здесь человек? Я сел в кресло, решив просто дождаться кого-нибудь. Лучше, если это будет Зак... Только теперь я понял, что не спал почти уже два дня – глаза слипались. Я «растёкся» по креслу и «отключился».

—///—

– Зот, зачем ты его привёл?

– Мне кажется, что он перебежчик. Ты ведь помнишь – лет семь назад, уже случилось подобное?

– Я не уверен, что в тот раз был перебежчик, скорее – просто псих. Но, даже если он из другого мира, что это нам даст? Неужели, ты снова хочешь сбежать?

– Посмотрим. А тебе, разве не интересно? Что, если это шанс?

– Хочешь найти дверку, чтобы шастать туда-сюда? В одном месте нагадил – и, тут же, в другое?

– Ты как всегда проникателен. Не пойму только – чего ты, до сих пор, в этом дерьме копошишься?

– Дерьме? – схватив приятеля за грудки, Зак прижал его к стене и выпусти клыки. – Слушай, ты прекрасно знаешь, почему я здесь. Я много чего видел в этой жизни, даже научился кое-кого понимать и жить с теми, кого презираю. А ты – каким был, таким и остался. Тебе что, мало приключений на свою задницу?

– И ты остался таким же. Всё так же делаешь вид, что ничего не случилось.

– Это было двадцать пять лет назад!

– Забавно. Двадцать пять лет – а постарели всего на десять. И помню всё, будто оно произошло два года назад.

– Что тебе делать там? Откуда ты, вообще, знаешь, что попадётся мир, лучше этого?

– Не знаю. Но чем чёрт не шутит? Тебе, разве, нравится в этом гадюшнике?

– Хорошо там, где нас нет... Не думаю, что в другом месте намного лучше. Везде одно. Даже язык. Хотя, конечно, он другой... Помнишь – мы гадали, как будем общаться с аборигенами? А вышло...

– Случайно. Случайно попали, случайно оказалось то, что мы понимали, о чём говорят нам, а то, что это не наш язык – стало ясно, только когда начали учиться писать... Ты ведь был лучшим. Эксперименты, что мы ставили – никто не мог, да и не хотел повторять.

– И доэкспериментировались. Нравится результат?

– Не очень. Но знаешь, иногда я рад, что всё именно так. Что было делать? Киснуть в лаборатории? Нет, я точно занялся бы чем-нибудь, «не соответствующим моральным нормам и облику».

– Пессимист ты.

– Зато ты у нас – неисправимый оптимист. С чего ты взял, что твой генератор вышел бы из лаборатории? Энергетики такого никогда не допустили бы. Вот здесь – он бы нам пригодился. Только ты теперь боишься. И случайностей, и науки.

– Генератор работает, он здесь. Им уже можно запитывать бункер, но стоит ещё чуть поработать.

– Так чего ты ждешь? Только ты сможешь собрать аппаратуру для портала!

– Потому что здесь – теперь мой дом. Какой бы ни был. А там – совсем ничего.

– И я ещё, после этого, пессимист.

– Ты сам знаешь, почему. Здесь стареешь в два раза медленнее, здесь можно успеть больше. Здесь, хоть и не блеск – но можно работать. И работы хватает.

– Ты бредишь. Какой работы? Ты под носом у Гридов! Ты что, возомнил себя всемогущим?

– Конечно, нет. Но я уже могу намного больше.

– Всё хочешь мир спасти? Не стареют душой ветераны...

– Я могу его создать – незачем спасать то, что прогнило насквозь. Фанатика давно уже нет, остался только прагматик. Может быть – когда-нибудь, я вернусь. Но не сейчас.

– Когда-нибудь... Ты прекрасно понимаешь, что это значит – никогда. А к новенькому – приглядишься.

—///—

Темнело. Я уже три часа беспцельно слонялся по городу. Может, всё-таки, учиться пойти? Мама всегда хотела, чтобы я «получил хорошее образование». Пора домой. Неохота... К Серёге зайти, что ли? Я медленно шёл по набережной и снова думал, что мне нет здесь места. Не тот мир, не то время... Не те нравы, не те люди. Были ли они, когда-нибудь, другими? Если, по сути? Оксана, Сережина знакомая – говорила, что суть никогда меняется, всегда остаётся такой же. И люди – такие разные и похожие одновременно – и их стремления. Очень может быть, что так. Только, что мне толку с того? Понимание, что мир не изменить? Так это и так понятно. Изредка – приходит кто-то, кто меняет ход истории. Но меняется лишь форма, а люди – всё те же.

– Здорово, Дрон!

Я обернулся. На меня смотрел Сергей – непривычно весёлый. Вспомнил, что мы уже неделю не виделись, натянуто улыбнулся.

– Привет, Серёга. От Валерки нет вестей?

– Нет. Да и как он сможет связаться?

– Ну, кто ж знает – он ведь как-то растворился у нас на глазах. Неизвестно, что он ещё сможет.

– Хочется надеяться.

– Чего такой весёлый?

– Женюсь.

– Да ну?

– Вру, конечно, но повод есть. А вот ты чего такой задумчивый?

– Тоже, повод есть. И зачем нам для всего нужны поводы?

– Зачем нужны? Не похоже на тебя.

– Мы ещё мало знакомы. Ты откуда?

– Из дома, как раз к тебе хотел зайти.

– Что за дело?

– Мне кажется, мы можем найти нашего общего знакомого.

– Как? Или... Ты о ком?

– Чёрный.

– Я знаю, что он в городе, но искать его не хочу. Пришибу ведь, ненароком.

– Ты не такой дурак, чтобы это сделать.

– Да ну?

– Ну да!

– Ладно – выкладывай, что у тебя.

– Я не могу сказать точно, но у меня большое подозрение, что Чёрный – брат Оксаны.

Я чуть опешил. Сериал... Если это так – я им не завидую.

– Ну, кино. Не повезло девчонке, если так.

– Он постоянно преследует её. Похоже, они виделись совсем недавно. Думаю, не в последний раз. Поможешь встретить?

– У ты какой. А если нет?

– Упрашивать не собираюсь, – голос Сергея отвердел, а сам он враз стал серьёзнее. – Ты ведь знаешь, что всё не просто так.

– Знаю. Помогу. И всё равно – гад ты...

– Все мы не ангелочки. Пошли на пустырь?

– Пошли.

–

Пустырь... Странное место. Вроде бы, ничего особенного. Но, думается здесь – иначе. Здесь спокойно, видно почти весь город – с его домами, магазинчиками и помойками. До боли банальная картина, даже чуть удручающая, если представить потом. Но здесь – видишь всё по-другому. Не знаю, почему. Закат тут кажется нереальным, восход – ещё красивее. Раньше я часто ходил сюда, просто так. А теперь... Вроде бы и не без цели, но непонятно, зачем. Что мы можем сделать? Только ждать. Прошёл уже месяц после того, как Валерка растворился. Чего ждать? Если только того, что он вдруг появится из ниоткуда, как и исчез. Что-то мне всё это напоминает. Постоянно ищешь «нечто», бьёшься головой об одно место на стене, только изредка отбегая в сторону. И не видишь ничего другого. Уже не умеешь, не знаешь, как смотреть. Возможно ли этому научиться, или с этим нужно родиться? Таким, как Валерка. Сколько его помню, он всегда делал что-то своё, что-то не очень понятное. Будто знал – или видел то, чего другие не видят. Видел – и пытался показать другим. А может – просто хотел изучить, больше узнать. Узнал. Как говорится: «меньше знаешь – крепче спишь». Это правда. Только иногда приходит мысль, что чего-то не хватает... Но думать об этом некогда. Зачем искать что-то невидимое – если и так проблем хватает? Самое интересное то, что решают эти проблемы – именно такие вот, непонятные люди. Их не видно, они не управляют. Очень многие их не воспринимают, не учитывают – считают непонятными, ненужными придурками. И, напротив, немногие понимают, что именно такие чудики – порой, решают судьбы мира. Что благодаря им – мы видим вокруг то, что называем «прогресс». Хотя... Они же могут, вдруг, «совершенно случайно» – уничтожить мир. Правда, это скорее сделают другие, пусть и с их помощью. Любую идею можно использовать во вред... Нет, это и правда, какое-то аномальное место – сам удивляешься своим мыслям. Если бы мне кто-нибудь попробовал такое рассказать – покрутил бы пальцем у виска, и слушать не стал. А тут... Само в голову лезет. Закат... Красиво. А там...

– Серёга, смотри!

– Да я уж давно смотрю, не хотел тебя отвлекать. Сам знаю, как тут иногда уходишь в себя, – Он улыбнулся краем рта, а я смотрел на то самое место, где исчез Валерка.

– И что это?

Серёга пожал плечами – откуда знать? Воздух прыгал и «тёк», как в пустыне. Будто кто-то снизу подогревал землю...

—///—

– Эй, Трэшк! Просыпайся!

– Серега, дай поспать...

– Просыпайся, говорю!

Да что ж случилось-то? Я не хотел открывать глаз. Стоп! Мысль буквально взорвалась в голове. Я подскочил бы, наверное, если бы не был, только что, со сна. Сейчас – лишь резко поднял голову, осознание происходящего пришло через пару секунд. Это мне не приснилось! Я... Я правда... Хм... Неизвестно где. Хорошо хоть – помню, как сюда попал.

– Привет, Зот. Такой сон снился... – Я зевнул, мир вокруг, наконец, обрёл ясность. – Правда, вспомнить уже не могу – редко запоминаю.

– Ну-ну. Хотел поспать – у нас места поудобнее есть. Я скоро уйду, так что – осваивайся дальше сам. Зака ты знаешь, он тебе все расскажет, почти всегда найдёшь его в соседнем зале.

– Где?

– Найдёшь, не беспокойся. Вон та дверь, пройдёшь прямо по коридору.

– Мне надо обратно.

– Куда? К Гридам? Ты что, смерти ищешь? Осмотрись пока, а с этим всегда успеешь. Я вернусь, – Зотгар осёкся, по лицу его пробежала тень. – Примерно, через неделю. Осваивайся, потом поговорим. Пока слушай, что Зака скажет – он мужик умный, хоть и с «прибабахом».

– Да, думаю, ты прав, – Я встал, чуть потягиваясь и разминая затёкшие ноги. – Мне, на самом деле, лучше пока осмотреться.

И получше разобраться в том, что здесь происходит. А то, что Зака с «прибабахом», так это даже лучше – очень может быть, что больше получится узнать. Кто из нас не без причуд? Разве что – совсем пустые люди. Гений – почти всегда стоит рядом с шизофренией. Так уж получается, что без фанатизма – ты вряд ли добьёшься значительных высот. Просто – всему своя мера... Да, ещё место и время. Жаль, что, чаще всего – так не получается. Гениальные люди всегда опережают своё время, почти всегда – им суждено быть непонятыми. Тем временем, мы слепо превозносим обычных шизофреников-подонков, а отнюдь не гениев. Ведь «шизо» – вовсе не означает одарённость, обратной связи здесь нет. Жаль, что так. Зот ушел, я всё ещё разминал затёкшее тело – нечасто мне приходилось засыпать сидя, не привык. Интересно, сколько времени я так провёл? Хотя, не суть. Самое важное теперь – побольше узнать, найти выход. Побольше узнать... Последнее время, мне всё чаще кажется: узнавая что-то – ты неизбежно что-то теряешь. Даже, когда это незаметно, когда думаешь, что стало только лучше... К чёрту бы всё. Однако сильно я затек, – подумал я, заканчивая разминаться. Всё, пора искать Зака. Я направился к нужному коридору, снова оглядывая зал. Искать не пришлось, Зака шёл мне навстречу.

– Здорово, бегунок!

– Привет. Кто?

– Так мы называем всех новопришедших. Зот объяснил тебе ситуацию?

– Сказал, что ты меня посветишь.

– Ну – пойдём, раз так.

Мы зашли в тот самый зал в конце коридора – он напомнил собой большой, закрытый офис. Или не офис... У меня не с чем было сравнивать. Да и незачем. Сравнивая – ты куда больше подвержен стереотипам. Здесь было много столов с компьютерами, много шкафчиков и полок с книгами (или чем-то похожим на них). Отчасти это напоминало библиотеку – своей тишиной и отсутствием суеты. Здесь каждый, казалось, был полностью поглощён своим занятием: кто-то смотрел в монитор, стучал по клавиатуре; кто-то чертил; а кто-то, похоже, вовсе ничего не делал – просто сидел с закрытыми глазами, в наушниках.

– Здесь наше всё – и вычислительный центр, и библиотека. И игровая, иногда. Садись на любое свободное место – везде есть доступ к информационному хранилищу, там ты найдёшь ответ почти на любой вопрос.

Я сел на ближайшее кресло. Как всё похоже – клавиатура, мышшь... Всё почти такое же, как и у нас – кроме символов на клавишах: совсем другие, незнакомые – лишь отдалённо они напоминали буквы. Я шевельнул мышкой – экран ожил. Сказать, что я был удивлён – значит, ничего не сказать. Билли, ты и здесь наследил? Я смотрел на рабочий стол самой известной ОС. Конечно, это был не он, но как похоже! Я кликнул на кнопке «Пуск» – точнее на той, которая должна была бы ей быть, на этой горели неизвестные мне символы. И меню похоже – как с включенной опцией «Классическое». Неужели, бывают такие совпадения? Как, вообще, такое возможно? Здесь другая письменность – это логично. Но почему я понимаю, о чём говорят? Странно, что эта мысль пришла мне только сейчас. Если бы мне всё это снилось... Как бы всё было проще! Нет, увы – так не получится... Что же делать?

– Зак... Я ничего не понимаю, ничего не помню. Не могу ничего прочесть – всё будто на чужом языке. Я же рассказывал – я потерял память. Тогда, у Гридов...

– Многие приходят оттуда без памяти. Если, конечно, посчастливится вернуться. Ты не первый.

Зак говорил спокойно, но в голосе слышалась то ли насмешка, то ли недоверие. Лицо его ничуть не поменялось, но мне так и представлялся прищур, с лукавой улыбкой.

– И как мне теперь быть?

– Как и всем – учиться. Впрочем... Давно хотел попробовать, да как-то не приходилось. Дай мне руку.

Зак взял меня за руку, другую свою ладонь – положил мне на плечо.

– Закрой глаза, расслабься. Сейчас попробуем.

– Что?

Я, кажется, даже не успел договорить: глаза закрылись сами, в голове помутнело. Через секунду (хотя, кто знает – сколько прошло времени?) – я открыл глаза. Ничего не изменилось. Только Зак – улыбался во весь рот. Он явно был доволен тем, что проделал. Невольно отметил отсутствие клыков. Точнее, они были – но такие же, как у всех. Разве что – самую малость, длиннее.

– Ну как?

– А как должно быть? Ничего не чувствую.

– Попробуй прочитать что-нибудь.

Я посмотрел на компьютер. Символы не изменились. Но, снова кликнув на «пуске» и открыв меню – я всё понял. Я мог читать! Я понимал всё написанное. Так странно: видеть незнакомые буквы – и читать их, будто всегда знал. Я начинал понимать, слышать отличия их языка, от моего родного. Совсем другая речь. Вот они – загадки восприятия. Можно внушить что угодно – и ты примешь это за своё.

– Что ты сделал? Я всё понимаю.

– Считаю, что прошёл курс экспресс-обучения – я передал тебе часть своих знаний.

– Так просто?

– Так. Но не просто. Хотя, оказывается – не так уж и сложно. Отдыхай, познавай мир заново. Разберёшься ведь, теперь?

– Разберусь, обязательно. Как ты это сделал? Можно ли такому научиться?

– Всё можно – я ведь научился. То, что сможешь ты – зависит от тебя. Конечно, при условии свободы обучения. Но часто мы сами лишаем себя свободы – своим бездействием и неверием. Смотри, не попадись в ту же ловушку. Ты знаешь всё – нужно только вспомнить.

Обучение – лишь помогает этому. Случались с тобой моменты, когда ты не мог объяснить того, как именно что-то сделал? Потому что слова нужны только для нашего, обычного общения – мыслям они не требуются. Трудности возникают, когда их нужно высказать, придать форму. Ты только учишься это делать: вспоминать, вытаскивать из глубин подсознания – души, если хочешь. Знание, которое хранится у тебя в памяти, в виде слов, но не понятое душой – мертвее мёртвого, и не несёт ничего, кроме разрушения твоей, а иногда и чужой, жизни. Ты можешь его передать – у другого оно, возможно, оживёт. Но лучше – постарайся понять сам. Учись, наблюдай, прислушивайся к другим. Это стоит того. Не верь всему сразу – думай своей головой.

– Обычно, я так и стараюсь делать.

– Молодец. Что-то я заговорился – давно ни с кем так, запросто, не беседовал. Не буду тебе больше мешать.

Зак отошёл на противоположный конец зала, к другому столу, за которым уже кто-то сидел, что-то указал на мониторе и расположился за соседним столом. Теперь я понимаю, почему Зотгар сказал, что он с «прибабахом». Он похож на меня. Или я на него, какая разница? Я, порой – так же вот, «заговариваюсь», начиная высказывать свои мысли. Так же – не видя ничего вокруг, в это время. И после этого становится грустно. А грусть читалась на его лице. Неявно, призрачным отпечатком – но угадывалась. У всех, иногда, возникает потребность высказаться. И, нередко, по таким «откровениям» – лучше всего узнавать человека. Правда – всё равно, легко ошибиться. А мне ещё учиться и учиться... Я повернулся к компьютеру, нашёл библиотеку и набрал в поиске: «новейшая история».

—///—

– Будто в пустыне течёт.

– А ты там был?

– Нет, только по телевизору видел. У нас, летом – такое же марево можно заметить над асфальтом, не обращал внимания?

Был бы здесь Валерка. Что бы он сказал, что сделал? Ведь точно – придумал бы что-нибудь. Если что-то случается – так всё в кучу. И банальные мелочи – вроде «порезался», или «облился», и «мелочи» посерьёзнее. Даже у Дрона, кажется, что-то произошло. Здесь всегда творилось чёрт знает что. Но чтобы так, чтобы «невооружённым глазом», видно – ещё не случилось.

– Дрон, ты о чём задумался?

– Ни о чём, просто смотрю.

– А я вот думаю – стоит ли туда подходить?

– Не стоит, пока. Давай, лучше, подождём. Пару дней, хотя бы – понаблюдаем.

Дрон поднял с земли небольшой камешек и бросил его в дерево. Может, мне показалось – но он будто чуть оттолкнулся от ствола. Или от того самого марева, что его окружало.

– Серёга, видел? Он обогнул его!

– Видел. Значит, не показалось.

Я взял камень побольше – и тоже запустил его в эту странную завесу. Камень упал, не долетев.

– Ну, Геракл! Мало каши ел! – засмеялся Дрон.

Я взял ещё один, примерно такой же – и бросил его чуть в сторону, мимо марева. На этот раз он резко изменил направление, как только долетел до невидимой границы – будто снова оттолкнувшись от неё.

– Теперь видел?

– Дела. Может, подойдём ближе? Эта штука, похоже, отталкивает всё. И чем больше это «всё» – тем сильнее отталкивает.

– Что-то не хочется, – я осматривался, ища ещё один подходящий булыжник. – Кто знает, как эта штука себя поведёт?

Дрон меня опередил: нашёл почти целый кирпич, подошёл ближе и бросил. Вопреки ожиданиям – кирпич не оттолкнулся, а притянулся к завесе, упав внутри. Он бледнел и «растекался» по воздуху, окрашивая его – мгновенно смазавшиеся очертания потекли вслед за гуляющим маревом.

– Действительно – непонятно, чего ждать. То отскакивают, то притягиваются. И растворяются, заодно...

Всё произошло за минуту: кирпич, точнее уже то, что «растеклось» – исчезло.

– Всё ещё хочешь туда?

– Ну уж нет, у меня ещё здесь дела остались. Пошли отсюда.

– И у меня – ещё остались. Пойдём.

Черт знает что. Кажется, что хуже некуда – когда не понимаешь, что делать. Оксана снова уехала, нужно искать новую работу – пока совсем не отупел на этой. Но ни к чему нет никакого желания. Мир вокруг, кажется, с ума сходит... А мне – всё больше на него плевать. Если так дальше пойдёт – очень скоро мне останется одна дорога: в дурдом. Нет, надо что-то делать. Может, в Валеркиных записях покопаться? Вряд ли я что-то в них пойму, но вдруг? Полгода назад я чуть удивился, когда он, «на всякий случай», дал мне копию ключа от своей квартиры. Теперь это уже не кажется таким малообоснованным. Оксана должна приехать через пару дней – дома можно не появляться, надеюсь. Странное чувство: кажется, что она застанет меня врасплох – вернувшись именно тогда, когда её не ожидаешь.

– Дрон, ты куда теперь? Домой?

– Нет. Думаю, я ещё здесь побуду – чуть осмотрюсь, всё-таки.

– Ну, тогда до скорого.

– Пока.

До дома Валерки отсюда совсем недалеко, а ключ я постоянно носил с собой – и потому решил отправиться искать хоть какую-то зацепку, объяснение. Правда, совершенно не представляя пока, что и как буду делать...

—///—

Серёга ушёл. Уже совсем стемнело, в городе зажглись фонари, в окнах появился свет. В это время здесь тоже неплохо, спокойно. Хочется остаться на всю ночь, найти бы только где расположится. Сидеть под открытым небом, на голой земле – не самая удачная мысль. На пустыре фонарей нет, спускаться будет не очень удобно, тут нужно как можно аккуратнее... Неохота свернуть себе шею, по пути домой. Не хочу никуда идти... Я повернулся к нашей, «видимой аномалии». Никакого движения, само дерево едва заметно. Но, спутать его – всё равно, невозможно. Я подошёл ближе. Кора внизу чуть блестела: изредка, в разных местах, на ней вспыхивали маленькие, совсем слабые, но заметные огоньки. Я присел и обшарил землю вокруг себя – не найдя ничего, кроме мелких камешков. Что ж, за неимением другого – и

это сойдёт. Сразу несколько камней полетело в темноту – я бросил их, не вставая, рефлекторно прищурившись, будто это могло чем-то помочь. Чуть ярче вспыхнули, и сразу погасли, несколько огоньков. Но почему я не слышал никакого звука? Просто не заметил? Это вряд ли. Или камешки не отскочили, а растворились, как тот кирпич? В это я скорее поверю, сейчас. И всё же, хватит испытывать – пора домой. Я поднялся с земли и пошел вниз. Почти уже спустившись – все-таки запнулся и чуть не растянулся на земле. Чертыхнувшись, я повернул домой – собираясь пройти хорошо уже знакомой дорогой, минуя автобусную остановку. Всегда удивлялся людям, которым некуда спешить, да и здоровье вполне позволяет – ленимся пройти и полкилометра. А пройти три, как здесь – для них вообще немыслимо. Паршиво на душе... Я шел медленно, растягивая шаги, иногда останавливаясь и бесцельно оглядываясь – то по сторонам, то шаря глазами по небу, будто пытался найти что-то важное. Странная смесь тревоги и умиротворения... Вроде бы, всё хорошо – но это истораживает. Меня окликнули, я обернулся. Их было двое – Чёрный, и ещё какой-то хмырь. Странно, что только двое.

– Привет, Бес.

– Чего тебе надобно, Чёрный? – спокойно, даже вяло сказал я, готовясь к не самому лучшему развитию событий.

– Нашлась золотая рыбка! Всё как маленький: в сказки веришь; пакостишь, по-мелкому.

– Не тебе решать, что мне делать и во что верить.

– Отойдём? Поговорить надо.

– Говори, не задерживаю.

– Чёпонтуешься? Поговорить уже запахло?

Я шагнул к вперед, второй отвёл руку за спину – явно, собираясь что-то достать.

– Ты – падаль! С тобой не о чем говорить.

Ударил сзади, кажется, пивной бутылкой. Не зря я ожидал какой-нибудь подлянки. К их, да и к своему большому удивлению, это никак не повлияло на меня, вернее – только разлило. Я обернулся, схватил нападавшего за куртку, развернулся и швырнул на Черного с другим хмырём – тот уже успел достать нож, но, не успев его убрать, продырявил своего подельничка. Отскочив назад, Чёрный чуть не грохнулся о стену дома. Похоже, к такому никто не был готов – у всех округлились глаза. «Знакомый» Чёрного побелел, и еле держал нож.

– Пашка, ты же говорил – всё чисто будет!

– Заткнись!

– Я сваливаю!

Выбросив нож, второй подельник пустился наутёк.

– Ты кем себя возомнил, козёл?

– Чеши отсюда, гнида. Вон, как твой дружок делает – пока я тебя самого не насадил.

Хотев было схватить выброшенный нож, Черный отвёл глаза чуть в сторону – и сразу получил ногой в пах.

– Ничему ты, гнида, не учишься, – сказал я, от всей души добавив ему под дых, Черный упал на колени. – У тебя есть сестра?

– Какая сестра?

Я пнул его ещё раз.

– Есть или нет?

– Есть.

– Как зовут?

– Оксана.

– Так вот, падаль: узнаю, что ты ей, как-нибудь, чем-нибудь мешаешь – в конце инвалидом сделаю!

– Тебе какое до неё дело?

– Добавить? Я сегодня добрый, могу.

– Нет.

– Понял?

– Понял.

Последним ударом я отправил Чёрного в «отключку». Конечно, ты ничего не понял, но на какое-то время затихнешь. Я подошёл к раненому, коснулся шеи. Пульса не чувствовалось, а крови уже натекло порядком. Похоже, что этот «раненый» – уже стал мёртвым, «скорая» тут не поможет. В печень он ему попал, что ли? Знает Чёрный тёмные подворотни, где никто ничего не увидит и не услышит. Теперь это на руку не только ему. Но, всё равно, надо уходить – чем быстрее, тем лучше. Нашли бы тебя раньше, чем очнёшься – встретились бы тогда, наверное, не скоро. Осторожно обходя лужу крови, я быстро пошёл прочь.

—///—

Компьютер почти мгновенно выдал результат, ссылок оказалось на удивление мало: Начало кризиса; Образование «ГРИД»; Появление повстанцев. Я посмотрел на дату возле первой ссылки: 02.10.2844. А сейчас... Благо, часы и календарь остались на привычном месте – когда я навёл курсор, появилась знакомая подсказка-хинт. Снова невольно подумалось: «всё слишком похоже» – это и радует, и начинает тревожить. Однако наименование месяца было другим, и весьма странным. Дата выглядела так: 23 Век 2853. Получается, что «Век» – это название месяца? Я запустил календарь, чтобы посмотреть другие наименования. Он, Ток, Тол, Мор, Мет... Как можно было давать месяцам такие имена? И как в них не запутаться? Всего я насчитал тринадцать месяцев, «Век» – оказался последним в году, «Он» – первым. В каждом месяце было по двадцать восемь дней, только в последнем – двадцать девять. Значит, всего в году... Триста шестьдесят пять дней. Я уже ожидал чего-либо подобного. Ещё одна нераспознанная закономерность, которую воспринимаешь как совпадение. Хорошо, что я наткнулся на неё сейчас – ведь и в голову даже не приходило, что можно считать иначе. А ведь система отсчёта – и правда, может быть совершенно другой. Теперь кажется понятным, почему названия месяцев показались мне странными – я привык, что в году двенадцать месяцев. Здесь все слова звучат странно, если вслушаться. Но этого не замечаешь, потому что слово – только ярлык к чему-либо. Произнося что-то – ты вспоминаешь не столько само слово, сколько образ-шаблон того, что оно обозначает. А вот если видишь то, чего ты ещё не знаешь – начинаются нестыковки. Ведь когда я смотрел названия, мне сразу показалось, что месяц «Он» – это январь, «Ток» – февраль, и так далее. Только вот начал я с неизвестного, потому и другие показались странными. Одна маленькая ошибка, маленькое непонимание – и пожалуйста, вся система даёт сбой. Так, а что у них со временем? Я посмотрел на свои часы: четыре минуты второго. А здесь... Десять часов, семьдесят восемь минут. Значит – часы здесь тоже считают по-другому. Я снова начал «прощёлкивать» цифры. Выяснилось, что в сутках двадцать пять часов, в часу сто минут, в минуте – тридцать пять секунд. А вот секунда... Я снова посмотрел на свои часы, одновременно наблюдая за часами на компьютере. Секунда, кажется, длится столько же – невозможно сказать точнее. Хотя, не удивительно, если окажется, что она будет такой же. Ну, с этим разобрались – мелочь вроде, а необходимая. Посмотрим, что там дальше. Начало кризиса, истощение, острая нехватка энергоресурсов, остановка промышленности, безработица, рост преступности... Предсказуемо и банально. Новый порядок, образование «ГРИД».

Это должно быть поинтереснее. Основатели: радикально настроенная группа учёных, при поддержке множества студентов самых разных учебных заведений, в основном технических. А вот такое предугадать сложно. Я скорее поверил бы, что власть взяла какая-нибудь секта – введя «новую идеологию». Или, кто-нибудь из «сильных мира сего» – тот, который быстрее сориентировался в ситуации. Впрочем, без «сильных» – тут вряд ли обошлось. Либо у этих учёных на руках был, ну просто огромный, козырь. Новые источники энергии? Этого всё равно мало, их бы разорвали. Должно быть что-то ещё. Диктатура, начало чистки, выбраковочные комиссии... Да, ё!... Свет погас, компьютер отключился, вокруг повисла непроглядная тьма. И что теперь? Через пару секунд вокруг стали загораться аварийные огни – весь зал они не осветили, но хоть что-то стало видно. Люди доставали фонарики – значит, были готовы к такому, в отличие от меня. Зашёл Зак.

– Так, ребята, это на пару часов – можно не ждать, расходиться.

Все начали вставать со своих мест и уходить, я подошёл к Заку.

– У вас так часто?

– Нет, только последние две недели. Генератор барахлит, а новый я пока не рискую пускать в полную мощь.

– Это опасно?

– Если бы я знал точно. Есть вероятность, что пойдёт вразнос, и пока не разберусь, как управлять процессом – будем выжимать всё, что можно, из старого.

– Зак, как я понял, ты здесь не последний человек...

– Хочешь что-то спросить? Учти, не стану объяснять тебе то, что ты сам можешь найти в библиотеке.

– Конечно. Хотя, я мало что успел найти. Зак, ты не последний человек здесь. Мне показалось, что ты здесь главный. А это, как я понял, что-то вроде убежища повстанцев. Но...

– Кто-то пришёл, потом поговорим. Если хочешь – пойдём со мной.

Мы вышли, Зак что-то переключил на своём фонаре, стало заметно светлее – так, что можно было бы прочесть книгу, не напрягая глаза. Что за лампа в нём?

– Здорово. А мне дадут фонарь?

– Дадут, если будет нужно. Только такой же, а как у всех – так светить не сможешь.

– Как ты узнал, что кто-то пришёл?

– Я это чувствую. Потом поговорим.

Место, из которого я, Зак и Зот пришли сюда, мы миновали, Зак свернул в незнакомый мне коридор.

– Парень, ты не обижайся, я и сам хочу с тобой поговорить, но сейчас мне нужно сосредоточиться.

Обижаться я и не думал – потом так потом, какой смысл допытываться? Но такое заявление меня несколько удивило, успокоило, и, в то же время, чуть насторожило – как-то странно оно звучало.

– На что тут обижаться?

Зак только улыбнулся – то ли одобряюще, то ли с насмешкой. Мы прошли ещё несколько коридоров и один зал. Интересно, насколько большой у них бункер? Кажется, прошли уже не меньше километра.

– Почти пришли.

Он ещё и мысли читает? Но мы действительно пришли на место. Зак убавил силы своего фонаря и открыл какой-то люк-дверь. Оттуда ударил еще один такой же луч, зашел человек.

—///—

Уже смеркалось. Всю дорогу я гадал, что меня ожидает, и только заходя в подъезд, отвлёкся – появилось странное желание повернуть обратно, вернуться домой. Прислушиваться к своим чувствам давно вошло в привычку: невольно забеспокоившись, я подумал об Оксане. Но уходить мне тоже не хотелось – почему-то я был уверен, что обязательно найду здесь то, что мне очень поможет. Быстро поднимаясь по лестнице – никогда не любил лифты – я отгонял лишние мысли, пытаюсь собраться и наметить план поисков. В голову ничего не шло. Я бежал, прыгал через несколько ступенек, перестав о чём-либо думать, только считая этажи. Восьмой, девятый, десятый... Вот и всё. Не зря врачи рекомендуют не пользоваться лифтами – это укрепляет не только сердечно-сосудистую систему, но ещё и успокаивает. Я мысленно усмехнулся. Шутки шутками, а всё же не нравится мне это. Напряжённость не ушла, только притупилась. Ненавижу такие состояния – когда паршиво на душе и не знаешь, что делать. Да и вряд ли кто-то их любит. Вот только, у меня это подкрепляется тем, что почти всегда это не просто так. Всегда происходит что-то... Кхм... Малоприятное. Странно ещё и то, что едва я закрыл дверь – моё беспокойство ушло, уступив место чёткому пониманию, с чего же мне начать. Я пошёл к компьютеру. Как всегда, системный блок был открыт с одной стороны. Вот интересно, Валерка действительно так часто меняет начинку своего компьютера, или просто лень закрыть? Я вдавил кнопку и сел. Компьютер молчал. Чёрт, совсем забыл: у него тут система, посложнее моей. Нагнувшись и заглянув под стол, я щёлкнул выключателем «фильтра» (который, на самом деле, только удлинитель, с блоком розеток), включил «бесперебойник» и снова нажал на кнопку включения ПК. Зашумели вентиляторы, через пару секунд по экрану побежали строки. Вот, теперь всё как надо. Почти... У него ведь, наверняка, пароль. Такая уж натура – хоть и работает здесь только он один. Точно, пароль. Как же теперь..? Если уж он дал мне ключ, то может и пароль оставил? Под клавиатурой лежал листок, с обратной стороны которого было написано «Мышь». Пароль? Попробуем. Не подходит. Штирлиц, блин – зашифровался! Набрал мнимый «пароль» ещё несколько раз: в другой раскладке; на транслите; и, заодно, английский вариант «Mouse» – я окончательно убедился, что «пароль» не подходит. Так... Что дальше? Пальцы сами начали барабанить по столу. А если... Я перевернул компьютерную мышь. Ничего. Что тут ещё придумать? Я набрал серийный номер мыши. Есть, пошло! Да, это похоже на Валерку – любит он давать такие вот, маленькие задачки. Не ахти какая, конечно, а, всё-таки – защита, от идиотов. Так, что у нас здесь... Рабочий стол почти пустой, в «Моих документах» нашлось несколько папок со странными названиями, которые состояли из двух-трёх букв, неизвестно что обозначающих. Придётся проверять все. Впрочем, я и не надеялся, что будет легко разобраться. «Выдохнув», я открыл первую папку.

—///—

– Зот, почему ты вернулся?

– Пришлось. Зак, ты ведь знаешь, что нас давно обнаружили – так почему мы до сих пор здесь?

– У нас нет необходимости уходить.

– Да с чего ты взял это?! Думаешь, Гридам нужны твои работы?

– Гридам спокойнее, когда мы на виду.

– Но так не может продолжаться бесконечно!

– И не нужно. Они думают взять нас, когда я почти завершу работу, хотят закончить сами. Уверен, что им даже не получится запустить генератор. Для надёжности, я подкидывал им ложную информацию – чтобы убедить в обратном.

– А корабль? Это ты устроил?

– Я. Намеренно грубо, чтобы сильнее расшевелить.

– Ты убрал одного из пилотов и встал на его место?

– Да.

– И ты знал, что я буду там?

– Да. И знал, что, скорее всего, ты пойдёшь через западный разлом.

– Иногда мне хочется тебя придушить.

– Это я тоже знаю. Извини, что без уведомления сделал тебя разведчиком. Я был уверен, что ты уйдёшь оттуда невредимым. А вот знай ты наверняка – не пошёл бы той дорогой.

– Конечно. У тебя что, разведчиков нет?

– Есть. Только ты, мне кажется, закис. Вот и подбросил тебе чуток адреналина.

– Был бы там адреналин... Я, и правда, закис. Но, всё равно – придушу когда-нибудь тебя, за такие шуточки!

– Успокойся. Ты прекрасно знаешь, что я ничего не делаю просто так, даже шуток. А моим ребятам у тебя ещё поучиться. Поговори с Трэшком – думаю, у него к тебе найдутся вопросы.

– Сейчас мне больше хотелось бы задать пару вопросов тебе. Да только – всё равно не ответишь.

– Отвечу. Позже...

– Вот и я про то. Пойдем, Трэшк – расскажу тебе пару баек.

—///—

До дома я дошёл спокойно – если конечно не считать взвинченного состояния. Что тут делать? Спать – всё равно, не буду. И не столько из-за недавно произошедшего. Какая-то тревога за мать, беспокойно... Может, в больницу? Дежурит же там кто-то. Я зашёл на кухню, налил в кружку обычной воды и достал бутерброд из холодильника. Не знаю, что такое – но так мне будет спокойнее. Даже если всю ночь прохожу под окнами... Уже на подходе к больнице – предательски захотелось спать. Вот чёрт... Охранник курил на крыльце, когда я подошел ближе и попал под свет фонаря – он меня узнал.

– Бестужев? Тебе чего?

– Пусти.

– Зачем?

– Мне так спокойнее.

– Спокойнее ему, о чём только раньше думал... – тихо сказал он. – Не о чем тебе беспокоится.

Он пробормотал что-то ещё, – я не слышал, что именно. Кажется, сказал «Уже». Спать хотелось чуть меньше – но мир вокруг, все равно, терял «чёткость». Стало труднее соображать, мне снова захотелось курить. Охранник выпустил дым от последней затяжки, выбросил окуроч, посмотрел на меня и сказал:

– Ладно, пойдём.

Перед входом в отделение, в холле, стояла пара небольших диванчиков – я сел на один и закрыл глаза. Странно, час назад я думал, что этой ночью мне не уснуть, а теперь... Казалось, я

уже сливаюсь с диваном и перестаю чувствовать всё вокруг, остается только «мягкая» тяжесть, которая медленно обволакивает тебя всего, даёт странное чувство покоя и силы. Кажется, появляется шум, даже голоса...

– Дроша...

Не люблю эту форму своего имени, никто меня так не называет. Разве что...

– Мама!

Я попытался открыть глаза, но ничего не получилось.

– Дроша, всё хорошо. Не мсти никому, не делай это самоцелью.

– Я не вижу других целей.

– А ты и не можешь их увидеть, ведь ты ищешь вокруг. Но ничего не даётся просто так, даже цель.

– Мама, я не понимаю.

– Ты слеп. Ты не умеешь, не хочешь видеть.

– Хочу.

– Зачем?

– Я хочу увидеть тебя.

– Ты меня слышишь, ты помнишь, какая я – и можешь представить.

– Но...

– Ты не веришь, что это я?

О таком я не подумал – ведь сразу был уверен, что передо мной мать! В душу начали закрадываться сомнения, от которых стало не по себе. Я не верил! Точнее понял, что уже не могу быть уверенным. Я попытался представить мать – вот она, передо мной, улыбается. Это получилось удивительно ярко, будто я уже открыл глаза. Только что-то, всё равно, мешало... «Я хочу знать, кто передо мной!»: эта мысль взорвалась в голове. Я дёрнулся и открыл глаза. Уже светлело. Я тряхнул головой и, потягиваясь, встал. Никогда ещё я не видел таких ярких снов. Солнце ещё едва показалось, я подошёл к окну. Как давно я не встречал рассвет? Вспомнилось почти забытое чувство – не знаю, как его назвать. Хочется сказать: «волшебства». Но это другое. Будто весь мир твой и ты можешь всё, принимаешь это как само собой разумеющуюся вещь – неотъемлемую, неотделимую от тебя. А ведь это похоже на то, что испытывал совсем недавно. Только тогда я не понимал, что происходит. А теперь – всё кажется, даже слишком, ясным.

– Всё нам лишь кажется.

Я вздрогнул и резко развернулся, сознание снова «поплыло». Мама сидела напротив меня и улыбалась – точно так, как я себе и представлял. Больной она не выглядела, да, что там – я даже не помню, когда в последний раз видел её такой.

– Мама?!

– А кого ты хотел увидеть?

– Тебя... То есть, я просто хотел увидеть.

– Ты так ничего и не понял.

– Что я должен был понять?

– То, что должен. Мне этого тебе не объяснить.

– Мама, что происходит?

Мать вздохнула, и, показалось, вмиг постарела – но тут же стала прежней.

– Какой же ты ещё... Маленький. Всё хватаешься за мамин подол, попав в непонятную ситуацию. А ведь я не тому тебя учила.

– Нет...

– Вот-вот. Почему нет? Чего боишься?

– Не могу поверить. Представить не могу.

– Так чего боишься? Здесь хорошо, не беспокойся. Мне, по крайней мере – лучше, чем там. Только тебя, дурака, жаль. Но, как же иначе? Всему своя мера и время.

– Я не могу поверить... Почему это всё так похоже на правду?

Мать посмотрела с укором, во взгляде читалась грусть...

– Ты поймёшь, со временем. Надеюсь. Сейчас – мне нечего тебе сказать. Разве что... Думай своей головой, живи по совести, ты ведь не злой...

В глазах потемнело.

—//—

Найти что-то у Валерки на компьютере оказалось проще, чем понять, что же именно это значит. В конце концов, я нашёл ту самую программу, которая, как выразился Валерка, «изменяет твоё восприятие». Похоже, что программка эта была сразу в нескольких версиях – для обычного компьютера и для КПК, я не сразу разобрался, какая мне нужна. Наконец найдя и радостно (будто добился чего-то невероятного!) запустив «экзешник», я убедился, что это она. «Радость победы» быстро сменилась разочарованием и недоумением: я честно старался заметить хоть какие-то изменения в своём восприятии – но не замечал. Может, не та? Или какая-нибудь «сырая версия»? А эта – вообще ни на что не влияет? Хорошо, что предусмотрительный Валерка оставил ещё кучу картинок, аудио и видеофайлов. С этим лучше покопаться дома – решил я, копируя на флэшку всё, что успел найти, в чём ещё мог разобраться. Выйдя из квартиры, я надел наушники и включил один из скопированных треков. Звук почти не отличался от того, что я слышал до этого на компьютере, но, странное дело – казалось, что что-то, действительно, поменялось. Всё вокруг стало чуть другим. Подействовало? Но ведь, воспринимать мир несколько иначе начинаешь, даже если слушаешь обычную музыку... Когда я подходил к подъездной двери, воображение услужливо подкинуло картину другого мира – того, что сейчас мог бы за ней оказаться. «Дурак ты, Серый» – усмехнулся я сам себе и толкнул дверь.

Оксана уже вернулась – ещё не успев войти, я почувствовал запах ароматизированного чая из «пакетика». И как ей может такое нравиться? – в который раз, подумал я и перешагнул порог.

– Оксана, ты давно пришла?

Оксана не ответила, и моё недавнее беспокойство снова дало о себе знать. Нет, я был уверен, что на кухне (а, где же ещё?) именно она, но... Я снова поймал себя на том, что начал беспокоиться по любым мелочам, которые связаны с ней. Оксана стояла с кружкой чая и смотрела в окно, казалось, не замечая ничего вокруг. Конечно, только казалось – она прекрасно все слышала. Да и видела: из окна кухни – двор как на ладони. А уж у неё «телевизор из-под носа унести», вряд ли возможно – в отличие, от меня. Я положил руку ей на плечо – она всё так же стояла, будто не замечая ничего.

– Минут пятнадцать назад, – сказала Оксана, через секунду повернувшись ко мне и поставив кружку на стол. – Кто-то «поговорил» с Пашей?

– Нет... То есть, мы только собирались. А что?

- Он только что собрал вещи и ушёл.
- То есть, как ушёл? Откуда?
- Он жил у меня.
- Но ты же... Где ты была всё это время?!
- У себя, в паре кварталов отсюда.
- То есть, ты жила совсем рядом – а я даже не подозревал?! Вот придурок – думал, что ты в другом городе! Оксана, зачем?
- Что зачем?
- Зачем это всё?! Ты уезжаешь неизвестно куда, а, как оказалось, вообще никуда; скрываешь всё это; а этот чёрт – ещё и живёт у тебя!! Зачем? Для чего?
- Он мой брат!
- Да слышал я уже! Никогда не пойму, почему ты так к нему относишься. Родню не выбирают? Да таких уничтожать надо, в зародыше!

Оксана молчала, я снова обнял её.

- Ну, прости, Оксана... Прости, не хотел.
- Я не знаю, почему так к нему отношусь, – снова, чуть задумчиво, сказала она. – Мама его любила. И жалела... Кажется, больше чем меня. И я как она. Парадокс. Так вот, получилось.
- Не сердись?
- На что? Всё правильно. Всё правильно... Хоть и не хочу, чтобы так было.
- Но кто мешает? Сделай по-другому, не так, как всегда.
- От себя не уйдёшь – натура всё равно возьмёт своё. Даже если и начнёшь поступать по-другому.
- А если попробовать?
- Может быть... Стоит ли?
- Стоит.
- Не хочу.
- А может – просто боишься?
- Боюсь. Это буду уже не я.
- По-моему – ты, как раз, боишься чего-то в себе.
- Нашёлся Фрейд...
- Фрейд слишком однобоко обо всём судил.
- Конечно, а ты, значит – нет? Абсолютно беспристрастен?
- Каждый из нас видит только часть чего-то и не может увидеть всего целиком, я хотя бы пытаюсь расширить границы. Только вот, ты очень мало говоришь, чтобы я мог составить более полное впечатление.
- Забавный ты. Всегда удивлялась, как в тебе уживаются твоё мрачное видение мира, прагматизм, и, в то же время, какой-то детский оптимизм. Ты постоянно пытаешься показать, что тебе всё равно, но я ведь знаю, что это не так. Тебе не всё равно, и даже больше, чем другим.
- Оксана, ты так хорошо заглядываешь в чужие души – но боишься посмотреть на саму себя. Может...
- Никуда я не заглядываю! Я вообще – ничего не вижу и ничерта не понимаю в людях.
- Потому и не понимаешь.
- Хватит!
- Как хочешь.
- Почему ты со мной всегда соглашаешься?
- Потому что я хочу тебе верить. Знаешь, для меня это очень многое значит.
- Знаю... Но вот – почему?
- Потому что. Так мало людей, кому можно это сказать. Неужели одного желания мало?

– Нет. Это...

Оксана повернулась ко мне, обняв и посмотрев в глаза.

– Всё будет хорошо, успокойся.

Я крепче прижал её к себе, судорожно пытаюсь понять и предугадать, что случится завтра.

—///—

– Ну, и что бы ты хотел услышать?

– У тебя много баек?

– У кого их нет? Хотя – у меня больше грустных историй, не люблю выдуманные.

– Как ты познакомился с Заком?

– Мы знакомы с детства, росли в одном дворе.

– Зачем ты меня сюда привёл?

– С чего ты взял, что я скажу тебе правду?

– Мало ли? Я никак не могу понять, что происходит вокруг.

– У тебя копались в голове? Ты впервые попался?

– Первый раз. То есть, я так думаю. Ты говоришь, что Гриды могут копаться в голове.

Если так, то получается – я не могу доверять сам себе? Они могут манипулировать воспоминаниями?

– Думаю могут, точно не знаю. Почему я привёл тебя сюда? Скажу только: ты меня кое-чем заинтересовал, а у Зака – прямо-таки, звериное чутьё на людей. Я никогда не понимал его до конца, но, очень может быть, что он тебе всё расскажет.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что ты ещё жив.

– Да... Это радует. Так что происходит?

– Для меня – война. А всё, что видишь вокруг... Апофеоз человеческой глупости. Даже не так, это – его последствия.

– Ты можешь рассказать поподробнее? Что произошло?

– Ты ведь был в библиотеке.

– Я мало успел узнать.

– Сотню лет назад всё это показалось бы фантазией какого-нибудь кинорежиссёра. Или сценарием компьютерной игры – такие темы тогда были популярны. Кризис, смена власти, тотальный контроль.

– А повстанцы?

– Какие повстанцы? Мы, что ли? Только официальная власть называет нас повстанцами. Мы всего лишь пытаемся жить, не подчиняясь их режиму – но вовсе не пытаемся с ним бороться.

– А если бы могли?

– Бороться можно всегда. Не в лоб – так диверсиями. Мы не делаем ничего такого, зачем? Жизнь в городе – вовсе не так ужасна. Думаю, многим она нравится. Большинству – достаточно свободы, так зачем что-то менять? Спасибо тебе за это не скажут, скорее наоборот. Да, там царит тотальный контроль, но, по большому счёту, люди не заслуживают иной власти. Можно сказать, что Гриды создали почти идеальное общество. Хоть и не представляю, сколько оно сможет продержаться. Пока – промывка мозгов делает своё дело. Но, рано или поздно – система даст сбой, начнётся новая перестройка. Какой будет её исход – мне гадать не очень хочется, вот так.

– Ты говоришь, что вы не касаетесь их жизни, но как тогда вы живёте? Где берёте удовольствие?

– Продовольствие – не проблема, мы можем существовать автономно. Ты понял, где ты?

– Не совсем. Это похоже на катакомбы, или бомбоубежище.

– Почти. Только, маленькая поправка – это целый город. Это сеть, как ты выразился, «бомбоубежищ», которая вмещает в себя очень и очень многое, ты видел лишь малую часть. Для чего это всё построили, тебе, думаю, объяснять не надо.

– Да, вряд ли только из-за научного интереса можно сделать подземный город... Непонятно, почему Гриды не взяли его под контроль? Этот город хоть когда-нибудь использовали по его первоначальному назначению?

– Не понадобилось. А вот, почему Гриды не взяли его под контроль – для меня самого, загадка. Часто я думаю, что, на самом деле – они его контролируют. Просто сейчас – у них нет надобности в нём. А мы поддерживаем его в приличном состоянии, им это выгодно. Но я всё равно не понимаю спокойствия Зака – ведь так не может продолжаться вечно.

– Наверное, он знает то, чего не знаем мы?

– Не «наверное». Он, точно знает больше. Думаю даже – больше, чем я могу представить.

– Эй, заговорщики, о чем толкуете?

Я вздрогнул – так неожиданно появился Зак. Как он сумел подойти настолько тихо?

– О мировом порядке.

– А, тема, которая никогда себя не исчерпает. Пошли, орлы – будем генератор подключать.

– Мне тоже можно там быть?

– Нужно. А о мировом порядке – ещё успеете поболтать.

—///—

Снова накатило то же странное чувство – будто тебя окунули в густой-густой кисель. Только сейчас этот кисель разбавляли... Тяжесть начала уходить, я открыл глаза. Вокруг, кажется, ничего не изменилось – тот же рассвет за окном, только... Как-то всё это, более обыденно, что ли. С улицы зашёл охранник.

– А, Бесстужев, проснулся? Знаешь, где морг?

– Дарья Бесстужева умерла?

– Откуда знаешь?

– Зачем тогда спрашивать?

– Как-то спокойно ты к этому отнёсся...

– Сон видел, только что.

– Мать снилась?

– Да. Много интересного сказала.

– Надо же... Знаешь, куда идти?

– Знаю.

– Тогда беги.

– Счастливо.

Я знал дорогу, но быстро раздумал идти. Я не любил мыслей о смысле жизни – из-за них путаешь сам себя и раскисаешь. Снова меня начал доставать вопрос, который я недолюбливал: «зачем?». Я часто так спрашивал, сам себя – и постоянно отмахивался. Зачем? Казалось бы, такой простой и невинный вопрос, но на него нет ответа. Для кого-то он становится смыслом

жизни, кого-то сведет с ума, кого-то – в могилу. По мне – так он того не стоит. Но я так и не научился, не задавать его себе. Может, к лучшему? Способность «спрашивать у себя», и, хоть в малой мере, оценивать свои поступки – то небольшое, что отличает нас от зверья. Нда... Зачем. Вместе со смертью матери, что-то умерло во мне самом. Умерло, или переродилось. Ещё совсем недавно – я хотел отомстить всему миру, неважно, как. Теперь мне напревать. Нет, даже чуть жалко этот мирок. Нет смысла. Остались только три вопроса: «Зачем?»; «Почему?»; и ещё – «стоит ли на них отвечать?».

—///—

– Это генератор?

– А ты ожидал увидеть что-нибудь другое? – улыбаясь, даже, кажется, чуть смеясь, ответил Зак. – Что-то, что занимает половину комнаты?

– Да... Но он ведь... От него же должно запрашиваться все? Он может обеспечить всех энергией?

– Всех не может, а вот нас – вполне. Ещё останется.

Генератор был не больше системного блока компьютера, в голове не укладывалось, как такое возможно.

– Такой маленький. Как его подключить? И для чего нужны мы?

Зот заговорил, после долгого молчания:

– Ему нужна публика.

– У вас будет почётная миссия: дёрнуть рубильник, если потребуется. Так что – вы мне нужны для подстраховки.

– Может, скажешь ещё, что ты не ждал, не представлял этот момент?

– Ты, в какой-то мере, прав, но, Зот – если я рискую, то оправданно. А подстраховка сейчас нужна.

Зак подошёл к генератору, тут же над ним возникло слабое свечение. Секунду спустя я понял, что это светилась панель управления. Может, это вовсе не генератор?

– Конечно, это не сам генератор, – не оборачиваясь, произнёс Зак. – Это только «рубильник», главная панель запуска. Естественно, всё будет управляться с пульта, из другого места. Зот, сейчас мы пойдём в комнату управления, одному мне не справиться. Помнишь о правилах распределения сил? Помнишь наши опыты?

– Их забудешь... Только я думал, в тех правилах, которые ты вывел – была ошибка.

– В правилах – ошибки не было, я много раз проверял и пересчитывал. Ошибку тогда совершил я – нарушив их и попытавшись ускорить процесс.

– Проверял и пересчитывал? Но не на практике ведь проверял!

– Вот, теперь и попрактикуем. Давно пора, так?

– Черт, я тебя придушу, если только останусь живым.

Зотгар пошёл к выходу, но он не выглядел злым. Он улыбался, в глазах загорелся огонь. Вот интересно, как мы замечаем это? Холодный взгляд и огонь в глазах? Ведь, казалось бы – ничего не меняется?

– Зот, не торопись – мне нужно ещё пару минут.

– Я подожду тебя там.

– Вот ведь, упрямый. Впрочем, тут нечему удивляться, он всегда был таким. Только потому и не пустил себе пулю в лоб.

– Были поводы?

– Поводы... Глупейшая отговорка. Повод может быть любой, всё зависит от человека. На моей памяти – многие накладывали на себя руки в менее плачевных ситуациях, чем в тех, которые пережил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.